ВОСПИТАНІЕ ЛЮБВИ,

ИЛИ

ДѢЙСТВІЯ НЕНАВИСТИ, ЛЮБВИ И ДРУЖЕСТВА.

Часть вторая.

Перевелъ съ Французскаго Никита Ункопской.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,
въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1781 года.

ВОСПИТАНІЕ ЛЮБВИ.

Сладкія чувствованія дружбы, какихъ трудовъ вы не можете успокоить, какихъ потеряній вы не можете загладить, какихъ нещастій вы не можете привести въ забвеніе? Божественная волшебница, кроткимъ и нечувствительнымъ чарованіемъ перемѣняешъ участь наинещастнѣйшаго изъ всѣхъ смертныхъ; печальный Клерфонсъ стеналъ въ оковахъ, а теперь находится въ объятіяхъ друга, друга о которомъ онъ думалъ, что лишился его на вѣки. Коль радостныя восхищенія? Коль нѣжныя обниманія? какіе вопросы начинаются и прерываются! коль велерѣчивое молчаніе? Коль сладкія увеселенія? Коль истинныя восклицанія? Естьли сыщется такой, которой не можетъ представить себѣ сіе чувствительное состояніе, то я

я и не хочу ему онаго описывать; оно весьма нещастно, и я не желаю ему испытать его.

Припомни себѣ выраженія чувствованія, дружества и признательности, которыя ла Форе оказалъ встрѣтясь съ Клерфонсомъ, то можно судить и о тѣхъ, которыя сей честной человѣкъ расточалъ для Кавалера Монтфорта, сына его благодѣтеля, которой сверьхъ сего также еще былъ его благотворителемъ, пришедъ снять съ него оковы.

Когда первая радость, и источникъ лобызаній возпріяли тихое теченіе, то Кавалеръ Монтфортъ началъ изъясняться двумъ своимъ друзьямъ слѣдующимъ образомъ:

Маршалъ Саксонской притворяся, будто намѣренъ предпріять осаду Бредѣ, отведши прикрытіе въ Берген-оп-Цоомъ, напалъ на Мастрихтъ

трихтЪ, которой былЪ принужденЪ сдаться 7. Маія. СимЪ походомЪ, самымЪ изЪ всѣхЪ наилучшимЪ, какого еще никогда не бывало, принудилЪ онЪ непріятелей просить мира, котораго предварительные пункты были подписаны.

Я долго не зналЪ, любезной мой КлерфонсЪ о вашей судьбѣ, и принятой вами сторонѣ; но читавЪ вЪ публичныхЪ вѣдомостяхЪ о нещастіи, вамЪ приключившемся при Розенталѣ, и вашемЪ плѣнѣ вЪ Англіи; поѣхалЪ я вЪ Версалію сЪ тѣмЪ, что бы попросить о размѣнѣ васЪ. Сія поѣздка тѣмЪ была нужнѣе, что ваше сраженіе было только особливымЪ дѣйствіемЪ, на которомЪ все ваше войско было разбито, и вы совсѣмЪ забыты.

По исходатайствованіи вамЪ размѣны, взявЪ я паспортЪ пріѣхалЪ вЪ ЛондонЪ, гдѣ употреблялЪ я всякое умопостижимое стараніе

извѣ-

извѣститься о мѣстѣ вашего плѣна тогда, когда вы проѣхавъ многія провинціи сего королевства, посланы были въ Шотландію. Наконецъ я сюда пріѣхалъ; вы свободны, и мы можемъ отправиться, естьли вамъ угодно, во Францію, гдѣ мы постараемся впредь пожить спокойно въ замкѣ Монтфортскомъ и забыть минувшія наши печали (*).

Клерфонсъ не осмѣливался еще спрашивать о новостяхъ Розы у своего друга, а Монтфортъ не смѣлъ о томъ ему и упомянуть: но ла Форе не имѣя такихъ причинъ наблюдать молчаніе, и пылая горячностію къ своей матерѣ и къ своей сестрѣ, чинилъ объ нихъ тысячи вопросовъ.

Монтфортъ отвѣчалъ ему всегда на то коротко, что первая живетъ спокойно въ своемъ домѣ, а другая удалилась въ монастырь.

Клер-

(*) Кавалеръ Монтфортъ дѣло Клерфонсово загладилъ, какъ окажется изъ послѣдствія.

Клерфонсъ ужаснулся, что другъ его не искалъ больше отдаться удовольствію говорить съ нимъ объ особѣ прежде имъ столько любимой. Явленіе въ увеселительной рощѣ пришло ему опять на память; и онъ весьма опасался, что бы не воспослѣдовало еще чего больше уничижительнаго для Розы. И такъ онъ не смѣлъ объ ней справляться и трепеталъ слушать о стыдѣ своея воспитанницы.

Сіи печальныя размышленія, которыя упражняли его чрезъ всю дорогу, сдѣлали его весьма тихимъ, и ввергнули его въ ужасную задумчивость. Монтфортъ казался еще задумчивѣе. Ла Форе соображая конецъ своего благополучія съ концемъ войны, былъ ихъ не веселѣе. Казалось, что они уединясь и углубясь въ себя, не чувствовали блаженства, происходящаго отъ взаимнаго ихъ свиданія; я думаю, что никому не удавалось никогда видѣть

трехъ особъ по виду столь благополучныхъ, а въ самомъ дѣлѣ только печальныхъ.

Наконецъ прибыли они по четырнатцатидневномъ путешествіи въ за́мокъ Монтфортъ. Но какъ ужѐ было поздно, и они утомились, то поужинавши не много, легли тотчасъ въ постели.

На другой день Монтфортъ пошелъ весьма рано въ горницу Клерфонса съ осторожностію, но увидя, что онъ проснулся, просилъ его итти прохаживаться съ собою вмѣстѣ въ садъ.

Вы безъ сомнѣнія удивляетесь сему, говорилъ онъ ему идучи, что я съ вами еще не говорилъ о Розѣ, будучи вмѣстѣ больше двухъ недѣль. Но, любезной мой другъ, то, что я намѣренъ вамъ объ ней объявить, столь важно, что не можно открыть никому другому; и я не смѣю о семъ и ея брата увѣдомить.

При

При началѣ сихъ словъ, усугубившихъ безпокойство Клерфонса, зашли они далеко въ звѣринецъ, и поверсталися прямо противъ той рощицы, въ которой онъ разстался въ послѣдней разъ съ Розою. Видъ сего безщастнаго мѣста поразилъ его сердце, и слезы покатились изъ его очей ручьями.

Что я вижу, вскричалъ Монтфортъ, развѣ сердце ваше предчувствовало о сихъ ужасныхъ дѣлахъ, о которыхъ я васъ хочу увѣдомить! . . Но нѣтъ, глаза ваши возпылали бы гнѣвомъ, а не слезами наполнились.

Сіи два друга хранили нѣсколько времени молчаніе; одинъ боялся прервать, а другой страшился дѣяній, о коихъ онъ долженъ былъ увѣдомить.

Но вотъ теперь наконецъ пришла минута моего стыда, вскричалъ

Монт-

Монтфортъ, кинувшись къ ногамъ Клерфонса; знайте совершенно презрѣнную душу того бѣднаго, котораго вы почитали быть достойнымъ своего почтенія, и которой заслуживаетъ только ваше презрѣніе, котораго вы почтили своимъ дружествомъ а возымѣете къ нему ненависть? . . .

Мнѣ, мнѣ васъ возненавидѣть, отвѣчалъ Клерфонсъ. Ахъ Монтфортъ! Сколь бы велики ни были ваши проступки. . . По оказаніи мнѣ вами услугъ, и мною взаимно вамъ, могу ли я когда нибудь на это отважиться? . . . .

Вы обязаны это сдѣлать, естьли вы еще любите добродѣтель; узнайте наивеличайшее отвращеніе. Ахъ! Вы сами знаете всѣ мои вины.

Я все знаю, Клерфонсъ, и естьли ваша нѣжная чувствительность къ чести заставляетъ васъ найти достойнымъ наказанія, то сколько

мои

мои должны вамъ представиться преступными? . . . .

Изрядно, Монтфортъ, взаимная дружба наша все другъ другу отпускаетъ; да будетъ все предано на вѣки забвенію.

Нѣтъ, Клерфонсъ, не ввергайте въ совершенное уныніе столь великодушнымъ прощеніемъ сердце стыдомъ ужѐ презрѣнное, и пронзенное раскаяніемъ. Выслушайте меня; я имѣю васъ о весьма важныхъ и весьма печальныхъ увѣдомить вещахъ. Мое повѣствованіе искренностію своею будетъ соотвѣтствовать раскаянію. Сіе единое могу я сказать въ мою пользу.

Вы безъ сомнѣнія помните день, въ которой я, уступая силѣ нещастной терзающей меня страсти, осмѣлился вамъ открыть любовь мою къ Розѣ, намѣреніе, которое я имѣлъ соединиться съ нею, и которая отъ стра-

страха не понравиться моему семейству находилась въ сомнѣніи, и причины, отъ которыхъ надлежало мнѣ ее пощадить. Предразсужденіе въ разсужденіи породы долго противоборствовало моей страсти. Но я не могши ее преодолѣть рѣшился ее удовольствовать; сказавъ, что это самая бездѣлица ощастливить ту, отъ которыя зависитъ и мое благополучіе. И такъ я вамъ открылъ о средствахъ, которыя я вознамѣрился употребить къ достиженію сего. Вы оспоривали оныя, только очень слабо, и тѣмъ меня погубили желая мнѣ услужить.

Нещастное приключеніе, разлучившее насъ въ сію минуту, пресѣкло успѣхъ моихъ предпріятій. Ваша единая польза наполнила въ сію минуту безпокойствомъ и страхомъ сердце, которое я дѣлилъ прежде между любовію и дружбою. Но какъ всѣ мои старанія были безплодны, то вы принуждены были избѣгать мщенія своихъ непрія-

пріятелей. Вы отбыли ; и красота Розы приняла паки всѣ свои права на мое сердце. Къ сожалѣнію, которое я имѣлъ, видя васъ отдалившихся, присоединилось напоминаніе учиненныхъ мнѣ вами обѣщаній споспѣшествовать моей любви. Я потерялъ всю надежду сдѣлать ее щастливою, потому что я не имѣлъ надежды Розу склонить къ тайному бракосочетанію ; да при томъ и никогда не осмѣливался открыться ей въ моей страсти. Сія честная дѣвица, воспитанная вами къ добродѣтели, была для меня столь почтеннымъ и священнымъ предметомъ. Нѣтъ, Клерфонсъ, я не могу сему повѣрить, что бы я когда нибудь самъ отъ себя осмѣлился дойти до предосудительныхъ изступленій, коимъ я предался.

Сестра моя, узнавши о моей страсти посредствомъ порицанія достойной ко мнѣ нѣжности, предпріяла ее ощастливить. Стараясь

безполезно нѣсколько разъ вдохнуть въ меня больше довѣренности и смѣлости, возымѣла прибѣжище къ предосудительной хитрости, ей удавшейся и тѣмъ меня погубившей. Ахъ! какой человѣкъ или какой Ангелъ могъ бы возпротивиться? . . . Роза спала и почти обнаженная. . . . Клерфонсъ, мои нечистые взоры осмѣлились ее осквернить. . . . Я лишился разума, и моя наказанія достойная сестра. . . . Я искалъ извиненія въ разсужденіи моихъ поносительныхъ восхищеній; и я думалъ найти его въ вашей любви къ Розѣ, о которой мнѣ сестра моя открыла. Я остался въ сихъ мысляхъ, называлъ васъ неблагодарнымъ и вѣроломнымъ, я, носившей неблагодарность и вѣроломство въ своей груди. Однимъ словомъ, я осмѣлился явиться вмѣсто васъ на свиданіи, назначенномъ вамъ Розою, но я ее не обезчестилъ. Истинное сопротивленіе, противополагаемое ею моимъ первымъ

вымъ предпріятіямъ, ея вздохи, слезы ея, трогательныя жалобы, которыя думала она, что произносила къ вамъ, терзали мое сердце. Я уже готовился открыться: но стыдъ меня удерживалъ, и я оставилъ ее печали ея, что бы отдаться моимъ угрызеніямъ и раскаянію.

Клерфонсъ, у котораго отъ удивленія оледенѣлъ языкъ во время рѣчей Монтфортовыхъ, наконецъ прервалъ молчаніе. Вы обманываетесь, другъ мой, сказалъ онъ ему, вы не столько виновны, какъ. . .

Вы сами обманываетесь, отвѣчалъ Монтфортъ, узнайте причину вашего заблужденія. Вы думали найти Розу въ кабинетѣ, въ которомъ мы теперь находимся: но она была со мною въ томъ, которой вы вонъ тамъ видите противъ насъ, а сестра моя заступила ея мѣсто у васъ. . .

Ваша сестра! вскричалЪ КлерфонсЪ съ негодованіемЪ, которое вЪ немЪ возбудило воспоминаніе постыдныхЪ ласкательствЪ Графини: О Боже! И такЪ Роза была невиновата?

НѣтЪ, любезной КлерфонсЪ, она никогда виноватою не бывала, отвѣчалЪ МонтфортЪ, незнавшей произходившаго между его сестрою и его другомЪ. Всегда вЪ любви своей добродѣтельная Роза согласилась только на сіе свиданіе для снисканія себѣ невиннаго удовольствія васЪ видѣть и утѣшить.

Сколь я о семЪ сожалѣю! вскричалЪ болѣзненно КлерфонсЪ!

Отложите сіе, отвѣчалЪ МонтфортЪ, до того, что я вамЪ имѣю еще сказать: и онЪ продолжалЪ слѣдующимЪ образомЪ.

Но.

Новое ослѣпленіе утушило горесть моего раскаянія; я уповалъ получить изъ самой моей ошибки средство къ поправленію оной, но сестра моя всегда готовая льстить любви моей, представила мнѣ новое сіе утѣшеніе.

Роза, говорила она мнѣ, почитающая себя обезчещенною Клерфонсомъ, гнушается имъ теперь столько, сколько она его любила. Чѣмъ милѣе намъ озлобившей насъ, тѣмъ чувствительнѣе обида. Пользуйтесь сею минутою и объявите ей свою любовь, и будьте увѣрены, что она васъ послушаетъ, хотя бы то было изъ отмщенія.

Надежда сія не долженствовала льстить моей нѣжности: но она удовольствовала мою любовь: и такъ я наконецъ рѣшился ей въ оной открыться. Она казалась мнѣ, что ее сіе не обольстило, ни озлобило, ни удивило.

вило. Она отвѣчала мнѣ съ скромностію, что она навсегда сохранитъ почтеніе къ памяти своего господина, и не допуститъ до того, что бы сынъ его уничижался.... Я прервалъ рѣчь ея съ живостію, и представилъ ей всѣ тѣ примѣры, которые я зналъ о особахъ чиномъ гораздо больше меня, которыя не презирали соединяться съ молодыми дѣвицами, коихъ хорошія свойства не столь хорошо оправдывали ихъ выборъ. Ахъ! прелестная Роза, говорилъ я ей, коль лестно умѣть такъ почитать заслуги и награждать добродѣтель! Сколько возвышаемъ мы себя, естьли приближаемся къ тому, что мы любимъ! Я разговаривалъ съ нею долго со всемъ жаромъ любовника, желающаго понравиться и убѣдить: но она мнѣ всегда отвѣчала съ такимъ же спокойствіемъ, и осталась при своемъ намѣреніи.

Любовь дѣлаетъ часто несправедливымъ. Я чувствовалъ, что она уни-

унизила меня еще больше своею холодностію, нежели своимъ отказомъ; и я не могъ удержаться, чтобъ ей не сказать, что ежели она дѣйствительно хранитъ еще нѣкоторое воспоминаніе о милостяхъ своего господина, то она должна мнѣ за то приносить еще больше благодарности, мнѣ, которому она не меньше можетъ быть обязана; и я примолвилъ къ тому, что неблагодарность можетъ быть не есть единой порокъ ея сердца.

Я чувствую, государь мой, сказала она мнѣ прослезившись, все то, чѣмъ я вамъ обязана; я сего никогда и не забуду: но я удалюсь для избавленія васъ отъ стыда въ разсужденіи причиненнаго мнѣ вами выговора: я слышалъ, что она отходя испускала вздохи; и я укорялъ себя вскорѣ подлою жестокостію, съ которою я ее встрѣтилъ. Я поспѣшалъ за нею въ ея горницу для изпрошенія въ томъ прощенія:

но она запершись не удостоила меня и отвѣтомъ; а ввечеру не пошла и къ ужину; а на другой день узналъ я съ толикимъ же удивленіемъ, какъ и горестію, что она удалилась къ своей матери. Она отписала къ моей сестрѣ трогательное и почтительное письмо, въ которомъ она просила ее о продолженіи своей къ ней благосклонности и умоляла, что бы она сдѣлала съ нею милость и переслала къ ней ея платье, которое можно найти въ ея горницѣ, укладенное для пересылки.

Сестра моя поѣхала къ ней для свиданія, и употребила все свое краснорѣчіе переманить ее назадъ въ замокъ: но она осталась непреклонною, говоря, что она вознамѣрилась отъѣхать на другой день и удалиться въ монастырь. Но сестра моя упросила ее отложить исполненіе сего предпріятія на нѣсколько еще дней, обѣщаясь ей проводить

ее

ее въ монастырь, въ которомъ сестра мужа ея была игуменьею.

На что Роза согласилась съ такимъ условіемъ, что бы я не сдѣлалъ ни одного шагу ее посмотрѣть, и отводить ее отъ предпріятаго ею намѣренія. Однако между тѣмъ я къ ней писалъ и старался отъ онаго отвратить: но она мнѣ сдѣлала такой разумной и строгой отвѣтъ, что я склонился наконецъ послать къ ней все ея платье. Я прибавилъ къ тому нѣкоторые подарки и мебели, бывшія въ ея горницѣ. Но она прислала все назадъ, и удержала только служившее ко всегдашнему ея употребленію, и портретъ моей матери, за которой она меня благодарила въ наичувствительнѣйшихъ выраженіяхъ. Спустя двѣ недѣли послѣ своего отбытія изъ замка, отправилась она съ моею сестрою, которая слѣдуя своему обѣщанію, проводила ее до игуменства Клермутіерскаго.

Я

Я жилЪ долгое время вЪ унылости сердца, которое лишилось всего, имЪ любимаго. Я находилЪ себя одного вЪ природѣ; мнѣ казалось, что я дышалЪ вЪ пещерѣ удушающимЪ воздухомЪ, котораго бремя меня тягчило; сердце у меня вЪ то время было пусто и напряженно.

Пока любовь моя питалась нѣкоторою надеждою, то я старался истребить обЪ васЪ напоминаніе, которое было бы ей препоною. Но сЪ тѣхЪ порЪ, какЪ я ее лишился, оно вновь начерталось болѣзненно вЪ моемЪ сердцѣ сЪ напоминаніемЪ моихЪ преступленій; я подвергнулся сему изЪ слабости, а не изЪ заблужденія; я также не могу извиниться ослѣпленіемЪ: и соболѣзнуя о первой моей добродѣтели, жалѣлЪ и о томЪ, кто наставилЪ меня ее любить; и не столько своими совѣтами, сколько своимЪ примѣромЪ.

Не

Не столь легко, какъ мы думаемъ, отказаться отъ добродѣтели. Наказаніе оставившаго ее, состоитъ въ томъ, что онъ еще прелести оныя представляетъ, естьли онъ ужѐ оными болѣе не можетъ наслаждаться. Виновное сердце безъ поврежденія, терзаемое безпрестанно раскаяніемъ, угрызеніями и сожалѣніемъ не избѣжитъ отъ роптанія совѣсти и отъ острыхъ жалъ раскаянія, и еще щасливо оно тѣмъ, естьли остатки премудрости сохраняютъ его отъ возмущеній отчаянія. Теперь должны вы употребить благоразуміе ваше, любезной мой Клерфонсъ: Но вы никогда не почувствуете такъ какъ я сугубаго нещастія, лишась своей возлюбленной и своей добродѣтели. Но что! печаль сего мѣста, сіи молодые кипарисы, составляющіе сію рощицу, сіе глубокое молчаніе, владычествующее въ семъ уединеніи, не вдыхаютъ ли въ душу вашу тайной задумчивости?

Серд-

Сердце ваше не ощущаетЪ ли какихЪ нибудь предчувствiй, возвѣщающихЪ ему нещастiя, которыя осталось мнѣ дѣлить сЪ вами.

ВЪ сiю минуту МонтфортЪ взялЪ Клерфонса за руку, и повелЪ его вЪ павиллiонЪ, построенной подЪ зеленымЪ кабинетомЪ, которой скрывалЪ его со всѣхЪ сторонЪ. МонтфортЪ вынулЪ ключь изЪ своего кармана и отперЪ его. СЪ начала ничего не видно было кромѣ небольшой круглой залы, по срединѣ которой стояла изЪ бѣлаго мрамора статуя, представляющая Розу вЪ ея естественной величинѣ. ВЪ одной изЪ сторонЪ подножiя находилась потайная дверь, которой никакЪ не льзя было примѣтить, кою МонтфортЪ отворилЪ потомЪ тотчасЪ, и поднялЪ на полу дверь, подЪ которою была лѣстница о двѣнатцати ступеняхЪ, по коимЪ сошли они вЪ пещеру величиною сЪ залу же. Старинная лампада разпростирала отЪ себя слабое

вое мерцаніе, отъ коего виденъ былъ жертвенникъ изъ чернаго мрамора на подобіе гробницы. Монтфортъ палъ предъ симъ жертвенникомъ на колѣни, испустилъ глубокой вздохъ, поцѣловалъ его и открывъ его вынулъ оттуда четвероугольной бѣлаго мрамора сундучекъ, которой онъ также поцѣловалъ прежде, нежели его открылъ; а изъ онаго вынулъ еще другой небольшой ящичекъ изъ благоуханнаго дерева, на которомъ вырѣзаны были въ золотѣ вензели Розы и Клерфонса.

Вотъ, сказалъ ему Монтфортъ, драгоцѣнные остатки женщины, которая для насъ обоихъ равномѣрно была дорога, но которою вы единые только заслуживали обладать. Я оное вашимъ рукамъ вручаю. Я не осмѣливался осквернять оное своими взорами до самыхъ сихъ поръ. Однимъ вамъ позволено открыть сіе сокровище.

Клер-

Клерфонсъ слѣдовалъ за своимъ другомъ въ кабинетъ, въ залу, въ пещеру, не произнося ни единаго слова. Онъ взиралъ на него тогда сухимъ и пристальнымъ окомъ, когда онъ открывалъ жертвенникъ и сундучекъ; столько онъ былъ изумленъ. Онъ открылъ самъ тотъ ящичекъ, которой Монтфортъ подалъ ему въ руки, и изъ коего пошелъ пріятной запахъ, распространившейся по всей пещерѣ. Первой, представившійся его взору былъ портретъ Розы, которой онъ облобызалъ, послѣ того длинной пучокъ заплетенныхъ ея волосъ, получившій такую же жертву; наконецъ поднявъ онъ маленькую бархатную огневаго цвѣту подушичку, увидѣлъ на другой, подобной сей золотую тобакерку на подобіе сердца. Она замыкала въ себѣ сердце добродѣтельныя Розы. Онъ взялъ сіе съ подушичкою не осмѣливаясь дотронуться до нее своими руками, и поднесъ оное къ своему рту; и

когда

когда онъ приложился своими трепещущими губами, то испустилъ вздохъ, и слезы, весьма долго удерживаемыя, потекли ручьями; Монтфортовы же, которыхъ источникъ не былъ еще загражденъ, смѣшались съ Клерфонсовыми. Оба вмѣстѣ стояли предъ олтаремъ на колѣняхъ возведъ очи на небо, и произносили слѣдующее:

О Роза! говорили они, ликующая днесь между Ангелами, удостой бросить милостивой взоръ на двухъ нещастныхъ смертныхъ, дерзнувшихъ тебя поносить; предай ихъ озлобленіе забвенію, и помоли Бога, коего присутствіемъ наслаждаешься ты лицомъ къ лицу на небеси, бывъ самымъ наилучшимъ его твореніемъ на земли; помоли Его, что бы Онъ ихъ соединилъ съ тобою, дабы они не были больше съ тобою разлучены.

Видѣніе сихъ двухъ друзей, соединенныхъ печалію, и оплакивающихъ

щихъ вмѣстѣ потерю любовницы равномѣрно обоимъ милой, и изъясняющихся въ толь пірогательныхъ выраженіяхъ къ симъ драгоцѣннымъ остаткамъ, конечно представляетъ плачевное и терзающее сердце зрѣлище.

По долгомъ надъ симъ плаканіи, и по стократномъ отъ каждаго облобызаніи, заперли они сіе опять и вышли изъ пещеры; но Монтфортъ хотѣлъ, что бы Клерфонсъ одинъ у себя отъ онаго хранилъ ключь, на что послѣдней согласился, и взявъ его къ себѣ, обѣщался никогда безъ него туда не ходить.

При возвращеніи въ за́мокъ, Монтфортъ объявилъ своему другу, какимъ образомъ драгая ихъ Роза скончалась въ монастырѣ, по прошествіи трехъ мѣсяцовъ послѣ своего въ оной вступленія, и что онъ стараніемъ своей сестры сдѣлался обла-

ладателемъ драгоцѣннаго сокровища ими оставленнаго.

Наконецъ надлежало увѣдомить ла Форея о смерти его сестры, о которой онъ искренно соболѣзновалъ: въ то же время постарались послать за его матерью, которую онъ обнялъ съ восхищеніемъ, и такимъ образомъ печаль о потеряніи его сестры съ радостію, что онъ отыскалъ обратно свою мать, находилась въ равновѣсіи. По провожденіи нѣсколькихъ дней въ замкѣ Монтфортскомъ, положенныхъ на отдохновеніе отъ своихъ понесенныхъ прежде трудовъ, отбылъ онъ изъ онаго ко двору для испрошенія службы въ Индіи, куда тогда отправлялись войски.

Монтфортъ съ Клерфонсомъ оставшись одни, подружились больше прежняго чрезъ свое нещастіе. Кажется, что нещастіе есть стихія дружества. Сердце, смягченное чувствіями своихъ трудовъ, го-

раздо способнѣе къ принятію сладчайшихъ трогаyій, естьли оно ищетъ разлиться для принятія утѣшенія. Какъ можетъ оно отказать другому въ помощи, въ которой оно само имѣетъ нужду? Мы соединяемся для того, что бы подкрѣплять одному другаго; взаимно другъ объ другѣ смущаемся; и одинъ другаго утѣшаемъ. Кажется, что слезы текутъ пріятнѣе, когда двое плачутъ; и еще пріятнѣе, когда плачутъ два друга, у которыхъ бремя потери и сожалѣніе были одинакія. Они напоминали другъ другу о своей возлюбленной Розѣ, о ея свойствахъ, о ея дарованіяхъ, о ея пріятностяхъ, о ея добродѣтеляхъ, о обстоятельствахъ, въ коихъ она участвовала, о ея рѣчахъ, о ея отвѣтахъ, и даже о малѣйшихъ дѣйствіяхъ ея жизни. Ничто не было забыто сими двумя нещастными. Они запирались иногда на цѣлые дни въ пещерѣ для насыщенія тамъ своей печали, которую ничто не могло разсѣять.

И такъ Монтфортъ и Клерфонсъ жили вмѣстѣ уединясь отъ прочей природы, и погрузясь въ свою печаль, какъ новое приключеніе извлекло ихъ изъ сего оцѣпѣненія.

Монтфортъ увѣдомилъ своего друга о томъ только, что онъ утушилъ дѣло его съ Вервиллемъ: но изъ нѣжнаго чувствованія никогда не входилъ въ подробное онаго повѣствованіе, чѣмъ онъ обязанъ былъ жертвовать для окончанія онаго, по тому что истинное великодушіе никакъ не старается о тщеславіи. Но онъ принужденъ былъ оставить жадности непріятелей своего друга, жалованную отчину, которая имъ была къ статѣ и приносила знатные доходы.

Клерфонсъ отказался и отсталъ отъ охоты съ самаго того времени, въ которое нещастнымъ случаемъ бѣдной ла Форе лишился жизни. По возвращеніи своемъ онъ иногда пред-

принималъ сіе препровожденіе времени, не съ тѣми мыслями, что бы гоняться за звѣрьми: но только для того, дабы углубившись въ лѣсу отдаваться своимъ печальнымъ размышленіямъ. Въ одинъ день онъ отдалившись нашелъ на деревню, которую Монтфортъ уступилъ его непріятелю, и весьма удивился услыша ружейной выстрѣлъ шаговъ на десять отъ себя, котораго дробь мимо ушей его просвистела. Онъ побѣжалъ тотчасъ на выстрѣлъ, и увидѣлъ человѣка, ловящаго дроздовъ, и приготовляющагося снова зарядить свое ружье. Онъ у него спросилъ, отъ кого онъ получилъ позволеніе стрѣлять въ семъ мѣстѣ. Нахальной слуга отвѣчалъ ему, что онъ ему никакого отчета и отвѣта не долженъ отдавать. Клерфонсъ погрозилъ поймать его и за это наказать. Слуга отвѣчалъ ему еще суровѣе, и осмѣлился грозить прикладомъ своего ружья: Клерфонсъ, хотя былъ благоразуменъ, но горячь.

Онъ

Онъ вырвалъ у него ружье, и переломилъ давши ему онымъ нѣсколько ударовъ.

По возвращеніи своемъ въ замокъ разсказалъ сіе приключеніе Монтфорту, которой раскаивался о своей весьма нѣжной скромности. Они опасались по сему дѣлу слѣдствія; въ самомъ дѣлѣ, крестьяне, работавшіе недалеко отъ того мѣста, были позваны въ свидѣтельство, и объявили видѣнное; съ дѣломъ было поступлено какъ съ преступленіемъ, и судимо было весьма невыгодно для Клерфонса, которой перенесъ его въ парламентъ, и былъ обязанъ ѣхать бить челомъ въ Парижѣ. При первомъ воззрѣніи, правдоподобіе было противу его, поелику поступокъ его имѣлъ въ себѣ остатки гнѣва и мщенія старымъ своимъ непріятелямъ.

Нещастное сіе дѣло, сколько оно мало ни было, причинило ему много затрудненія и безпокойства;

 онъ

онъ принужденъ былъ употребить довѣренность знатныхъ особъ, которые дошли до того, что дали знать судьямъ истинную причину злобы, до которой довела его противная сторона. Они видя съ своей стороны довѣренность благодѣтелей и пріятелей Клерфонсовыхъ, не требовали больше ничего, какъ только что бы какъ нибудь загладить сіе дѣло посредствомъ легкаго мздовоздаянія оскорбленному слугѣ; Клерфонсъ на то согласился, и заплатилъ ему вчетверо больше надлежащаго.

Поблагодаря всѣхъ особъ, заступившихся за его дѣло, Клерфонсъ поѣхалъ опять въ Монтфортъ, и остановился для обѣда въ Ессонѣ, по окончаніи котораго лишь только хотѣлъ садиться въ коляску, какъ увидѣлъ пріѣхавшихъ двухъ всадниковъ, изъ коихъ одинъ выступилъ довольно свирѣпаго взору, сказалъ всадникамъ, что бы пособили вытти

плѣн-

плѣннику. Клерфонсъ, или отъ движенія сострадания, или можетъ быть изъ любопытства, остановился посмотрѣть сего злощастнаго. Онъ не ожидалъ имѣть въ немъ столь великаго участія. Коль онъ удивился, узнавъ бѣднаго ла Форея, обремененнаго оковами яко преступника!

Ахъ! любезный мой другъ, по чему я васъ вижу въ семъ состояніи? Въ чемъ вы виновны?

Я не знаю, отвѣчалъ печально ла Форе; я былъ захваченъ сего утра въ моей постелѣ, вотъ все, что я знаю. . . .

Офицеръ его провождающей возпрепятствовалъ ему больше говорить, и извинялся въ сей строгости полученнными приказаніями, что бы не допускать его ни съ кѣмъ разговаривать. Онъ приказалъ его отвести въ горницу, въ которой онъ съ нимъ заперся.

Клерфонсъ пошелъ опять въ гостинницу столько же удивленъ, сколько и опечаленъ друга своего судьбою, которой не могъ найти причины, слѣдовательно не въ силахъ былъ и подать ему помощь, не зная, на что рѣшиться и какія принять мѣры: однако твердо вознамѣрился его не оставлять, и слѣдовать за его коляскою даже до назначеннаго мѣста. Между тѣмъ хотѣлъ еще однажды покуситься поговорить съ ла Фореемъ, и велѣлъ просить его провожатаго позволить ему обнять его въ присутствіи его прежде, нежели онъ съ нимъ разстанется.

Офицеръ приказалъ ему сказать, что бы онъ вошелъ въ ихъ покой; и лишь только онъ вошелъ, то онъ хорошенько заперъ двери, и ему вновь извинялся въ первомъ своемъ отказѣ, которой онъ былъ принужденъ сдѣлать предъ своими подчиненными, которымъ онъ дол-

женЪ былЪ подать, сказалЪ онЪ, примѣрЪ раченія о ихЪ должности. КЪ тому прибавилЪ, что онЪ зналЪ особЪ, сЪ которыми можно было себя послабить, не опасаясь, что бы они употребили оное во зло; онЪ сказалЪ, что онЪ весьма помнитЪ, что онЪ видѣлЪ ла Форея вЪ арміи, гдѣ онЪ слыхалЪ, что говорили о нѣкоторыхЪ изЪ его дѣйствій сЪ великою похвалою, между самыми славными Офицерами.

ВотЪ воздаяніе за то, возопилЪ ла Форе сЪ движеніемЪ злобы. Я претерпѣлЪ чрезЪ шесть цѣлыхЪ походовЪ все, что только бѣднаго и труднаго испытать можно. Я подвергалЪ болѣе двухЪ сотЪ разЪ жизнь мою опасности. Я былЪ изрубленЪ саблями по сторону моего друга, котораго вы здѣсь видите. ОнЪ потерялЪ свою руку; и мы вЪ плѣну терпѣли шесть мѣсяцевЪ ужасЪ бѣдности и плѣненія, такЪ что не однажды не удостоили обЪ насЪ и всnо-

вспомнить. На какъ миръ не подавалъ ревности моей къ службѣ Государя никакого больше упражненія, то я хочу искать онаго въ его селеніяхъ, и вотъ награда, которую я получаю за мою преданность; я заключенъ въ оковы какъ безчестной преступникъ.

Ваше состояніе безъ сомнѣнія злощастно, отвѣчалъ провождавшей ла Форея. Что касается до оковъ, то онѣ съ васъ снимутся, и вы не будете оными болѣе обременены кромѣ вашего честнаго слова, котораго вы конечно дать мнѣ не отрѣчетесь, что вы не будете искать меня оставить. Подчиненные мои весьма худо сдѣлали, что васъ нечаянно въ постелѣ захватили, и привели васъ въ оборонительное состояніе. Изъ нихъ вы одного ранили, и мы были принуждены привести себя въ безопасность въ разсужденіи вашей особы; и я вамъ повторяю мои извиненія въ семъ необходимомъ насиліи.

Клер-

Клерфонсъ началъ паки выспрашивать своего друга о причинахъ, могущихъ причинить его нещастіе, не находитъ ли онъ себя виноватымъ въ какой нибудь нескромности, или въ какомъ нибудь неблагоразуміи, и ла Форе терялся въ безполезномъ изслѣдованіи своего поведенія.

Не имѣете ли вы какого непріятеля? спросилъ у него его провожатой?

По истиннѣ, отвѣчалъ храброй ла Форе, я никогда никакихъ другихъ кромѣ Королевскихъ непріятелей не зналъ, съ которыми я дѣйствительно, сколько возможно, поступалъ худо; естьли сіе заслуживаетъ наказаніе, то я неправильно жалуюсь на мою судьбу.

Наконецъ должно было разлучиться, не могши ни чѣмъ рѣшить настоящее состояніе ла Форея, сверьхъ

того,

того, что ему надлежало ѣхать въ Піеръ, что въ Сцизѣ, куда Офицеръ имѣлъ повелѣніе его препроводить, и что Клерфонсъ опять возвратился ко двору стараться узнать тамъ о причинѣ его взятья подъ стражу, и работать о исходатайствованіи ему вольности.

Ла Форе примѣчалъ, что ихъ встрѣчи въ гостинницахъ не случались въ блестящихъ обстоятельствахъ; но то состояніе, въ которое я приведенъ, примолвилъ онъ, есть гораздо уничижительнѣе, нежели то, въ которомъ вы находились на дорогѣ въ Л. . . .

Одно только преступленіе, отвѣчалъ ему Клерфонсъ, унижаетъ. По увѣренію вашему, что вы невинны, будьте спокойны. Небо защищаетъ всегда невинность; и естьли оно казалось иногда притѣсняющимъ, то это было часто неизвѣстнымъ знакомъ его правосудія,

на-

наказывающаго за прежнія и неизвѣстныя вины.

Офицеръ отвѣчалъ, что нѣтъ ничего вѣрнѣе сего правила; и что бы имъ показать истинну онаго, то онъ разсказалъ имъ, пока закладывали лошадей, новой примѣръ Божія правосудія, неопускающаго никогда безъ наказанія пороки.

Тому нѣсколько мѣсяцевъ, говорилъ онъ имъ, идучи часу около десятаго вечера мимо Коллегій четырехъ государствъ, одинъ Офицеръ увидѣлъ молодаго человѣка, защищающагося противъ многихъ и просящаго себѣ помощи. Тронутъ будучи движеніемъ человѣчества, поспѣшилъ онъ къ нему, но уже очень поздно. Убійцы ушли, и онъ нашелъ сего нещастнаго, пронзеннаго многими ударами; онъ почитая его за мертваго, оставилъ его на мѣстѣ, и продолжалъ свой путь. Но будучи изпуганъ кровавымъ приклю-

ключенїемЪ, котораго онЪ былЪ самовидцемЪ, вошелЪ онЪ вЪ кофейной домЪ, что бы тамЪ нѣсколько отдохнуть и выпить рюмку какого нибудь напитка. Во время сего происшествїя дозорЪ проходя, и нашедЪ тѣло, разпростертое на мостовой, поднялЪ его, и надѣясь найти вЪ немЪ нѣкоторое движенїе, отнесЪ его вЪ *кофейной* домЪ, гдѣ еще находился ОфицерЪ, бывшїй самовидцемЪ смертоубїйства; израненый пришедши самЪ вЪ себя отЪ оказанной ему помощи, отворилЪ глаза, и узналЪ Офицера, котораго онЪ почелЪ за одного изЪ тѣхЪ его убїйцевЪ, и его обвинилЪ; дозорЪ тотчасЪ его захватилЪ, и нашелЪ вЪ самомЪ дѣлѣ кровь на его платье, поелику онЪ дотрогивался до битаго. Они оба отведены были кЪ Коммиссару, предЪ которымЪ сей стоялЪ вЪ своемЪ обвиненїи до самой минуты своея смерти, и ОфицерЪ вверженЪ былЪ вЪ тюрьму. Дѣло его сдѣлалось: и онЪ

будучи отведенъ къ пыткѣ, сказалъ: безполезно его мучить за преступленіе, въ которомъ онъ невиненъ, но онъ не можетъ удержаться, чтобъ не признать Божескаго отмщенія, гонящаго его за дѣйствіе, еще больше наказанія достойное, въ которомъ онъ признался, что онъ убилъ своего отца, за дватцать лѣтъ предъ тѣмъ, и погребъ его въ одномъ имъ показанномъ мѣстѣ. Учиненные обыски подтвердили имъ сказанное, и онъ претерпѣлъ такое наказаніе, какое заслуживало его преступленіе.

Повѣсть сія, сдѣланная для приведенія въ трепетъ виновныхъ, ободрила ла Форея въ его невинности, давши ему достовѣрное доказательство о Божіемъ правосудіи. Потомъ пришли къ нимъ доложить, что лошади были заложены. Они разстались по учиненіи другъ другу множественныхъ объятій, и одинъ изъ нихъ поѣхалъ въ Ліонъ, а другой въ Версалію.

Клерфонсъ подносилъ подарокъ проводнику своего друга, которой великодушно отъ онаго отказавшись, увѣрялъ его, что онъ почитаетъ себя щастливымъ, когда можетъ оказать нѣкоторыя услуги честнымъ людямъ, безъ нарушенія своея должности.

Клерфонсъ во время своего пребыванія въ Парижѣ, познакомился съ прелестною госпожею, имѣвшею великую довѣренность отъ Министра, которую употребляла она ни начто другое, какъ на содѣланіе добра, что сколько похвально, столько и рѣдко.

Честныя души овладѣваютъ другъ другомъ съ перваго взору почти столько же стремительно, какъ и чувствительныя души; и ихъ скоро были соединены самою тѣсною довѣренностію.

Дама сія, которую я назову госпожею Фонбоннъ, узнала съ перваго

ваго взгляду всѣ хорошія качества Клерфонсовы. Она за него вступилась, и оказала ему наивеличайшія по его дѣлу услуги Онъ надѣялся отъ нея новыхъ услугъ для своего друга, и поспѣшилъ къ ней по своемъ прибытіи, но она по нещастію находилась въ Версаліи. Тогда было уже поздно, что бы ему въ сей часъ выѣхать, и онъ отложилъ отъѣздъ къ ней до другаго дня. Онъ поѣхалъ туда въ самомъ дѣлѣ. Но между тѣмъ, какъ онъ пріуготовлялся учинить ей свое почтеніе, она опять отбыла и возвратилась обратно въ Парижъ.

Ревность, услужить своему другу, заставила Клерфонса возчувствовать нетерпѣливость, которую доброе сердце испытываетъ въ сихъ небольшихъ противорѣчіяхъ. Наконецъ пришелъ онъ къ госпожѣ Фонбоннъ при выходѣ ея изъ за стола.

Ахъ! мой Боже! вскричала она, увидя его входящаго; какое щастливое

ливое предчувствіе влечетъ васъ такъ скоро обратно сюда? Однако какъ я рада, что я васъ вижу!

Клерфонсъ поблагодаря ее за сей ласковой пріемъ доложилъ ей, что то не предчувствіе, но дѣйствительное нещастіе, принудившее его прибѣгнуть къ ея милостямъ и просить объ одномъ изъ его друзей. Онъ ей разсказалъ, какъ онъ нашелъ бѣднаго ла Форея, въ какомъ оный нещастномъ находится состояніи, и коль великое принимаетъ онъ въ томъ участіе.

Естьли кто восхитилъ честность Министра, отвѣчала госпожа Фонбоннъ, то должно уповать, что небо подастъ намъ средства его просвѣтить. Естьли вашъ другъ невиненъ, какъ я думаю, ибо вы меня въ томъ увѣряете, то я въ томъ не буду виновна, что не скоро пресѣкутся сіи его мученія. Я ѣду опять завтра въ Версалію, а

послѣзавтра обратно возвращусь: приходите ко мнѣ обѣдать, то я, можетъ быть, скажу вамъ хорошую вѣсть.

Госпожа Фонбоннъ удержала Клерфонса у себя ужинать, и они разговаривали долгое время о нещастіи быть обмануту, которому Государи и Министры столь часто бываютъ подвержены. Есть столь много людей, сказала госпожа Фонбоннъ, коимъ въ томъ великая нужда, скрывать отъ нихъ истинну, и что весьма трудно, что бы она могла дойти до нихъ, а еще менѣе до Государя. Это правда, отвѣчалъ Клерфонсъ, что истинна бѣгаетъ отъ слуха Царскаго и отъ устъ придворныхъ: но тотъ Государь щастливъ, когда мудрой и добродѣтельной другъ употребляетъ свои орудія для вразумленія ему оныя; когда онъ ставъ чувствителенъ къ жалобамъ нещастныхъ, благоволитъ подавать имъ благо-

творительную руку и провождаетъ ихъ даже до ступеней трона! Онъ привлекаетъ любовію дѣтей, которыхъ отдаляло почтеніе; онъ склоняетъ къ нему сердца для умноженія числа его подданныхъ въ то время, когда воинъ жертвуетъ своими подданными для одержанія побѣдъ: кто работаетъ всѣхъ лучше къ его славѣ?

Картина, вами сдѣланная, сказала госпожа Фонбоннъ, видна подъ пріятнымъ видомъ; и есть безъ сомнѣнія единая, которая долженствовала льстить желаніямъ тѣхъ, кои стараются о довѣренности государской. Но сколько я вижу такихъ, которые разсуждаютъ о семъ совсѣмъ подъ другимъ видомъ! тѣ, которые желаютъ сего изъ вождѣленія, суть онаго недостойны, а тѣ, которые стараются о семъ изъ честолюбія, суть немного способнѣе къ исполненію онаго. Истинная только любовь къ отечеству,

горя-

горящее желаніе дѣлать добро, можетъ терпѣливо сносить зависть придворныхъ, жалобы недовольныхъ, общенародныя несправедливости, неблагодарность тѣхъ, которымъ оказаны услуги, сіе то есть добро, котораго видъ ослѣпляетъ, а наслажденіе онымъ выводитъ изъ заблужденія.

Госпожа Фонбоннъ разпрощалась съ Клерфонсомъ тотчасъ послѣ ужина; поелику ей надлежало на другой день рано отъѣхать: сколь великую ни полагалъ онъ довѣренность на ея благосклонность, однако чувствовалъ всѣ безпокойства дружества чрезъ весь сей долгой день. Онъ не преминулъ прибыть къ ней въ назначенной часъ, или лучше, въ опредѣленную минуту. Онъ дожидался ея тамъ по приказу, которой онъ къ тому имѣлъ; и она пріѣхала послѣ него чрезъ полчаса. Онъ надѣялся на ея благотворительномъ лицѣ читать хорошія вѣсти, имъ желаемыя.

Путешествіе мое было небезполезно, сказала она ему, обнявъ его; однако между тѣмъ я еще не могла получить того, чего вы желаете для своего друга: но я начала вами.

Я не знаю, сударыня, отвѣчалъ ей Клерфонсъ съ удивленіемъ, что бы я принялъ смѣлость просить васъ *для себя о чемъ нибудь.* Естьли бы не приключилось другу моему нещастія, то я бы никогда не предпринялъ смѣлости васъ безпокоить.

О! истинно! я это довольно знаю, отвѣчала госпожа Фонбоннъ, но друзья ваши *не будутъ* столько нечувствительны къ вашему успѣху, какъ вы. И такъ вы не помните, что я вамъ сказывала, что я надѣялась принести вамъ не одну хорошую вѣсть.

Клерфонсъ признался ей, что онъ никакой другой подъ онымъ не разумѣлъ кромѣ той, коя могла относиться къ пользѣ его друга.

Ну,

Ну, такъ тѣмъ лучше, отвѣчала ему госпожа Фонбоннъ, тѣмъ болѣе заслуживаете вы услышать о той, которую я вамъ донесу.

Вы помните, что я васъ просила около двухъ недѣль, увѣдомить меня о обстоятельствахъ вашей жизни, о коей вы уже мнѣ нѣкоторое дали понятіе; я просила васъ особливо о подробномъ повѣствованіи вашего похода и о вашихъ службахъ. Естьли вы думали, что одно любопытство принуждало меня требовать сего объясненія, то вы обманулись. Я увидя, что вы были столь безпристрастны къ награжденіямъ, вами заслуживаемымъ, подумала, что мнѣ надлежало быть меньше равнодушной. Истинное благодѣяніе не только состоитъ въ томъ, что бы заступаться за честныхъ людей, имѣющихъ къ нему прибѣжище; но оно должно искать также скромной заслуги, которая скрывается, и приносить ему награжденія, о

коихъ онъ не радитъ, заслуживая ихъ. Сіе надлежало мнѣ сдѣлать для васъ; я собрала изъ вашего повѣствованія все почитаемое мною за нужное для написанія просительнаго письма, поданнаго мною самому военному Министру; и я получила для васъ крестъ святаго Людовика, и ежегодную пенсію, состоящую изъ двухъ тысячь ливровъ. Вотъ, другъ мой, сказала она обнявши его еще разъ, все, что я могла для васъ сдѣлать: но я уповаю, что мы не остановимся на семъ; я не хотѣла отъѣхать безъ креста и безъ указа о пенсіи. Но потому, что я сказывала о васъ Министру, хотѣлъ онъ вамъ обое самъ предложить, будучи здѣсь съ вами сего дня за столомъ.

Клерфонсъ объятъ будучи удивленіемъ, старался показать чувствительность свою госпожѣ Фонбоннъ наилучшими выраженіями, которыхъ безпорядокъ изъявлялъ признa-

знательность его трогательнѣйшимъ образомъ, нежели бы наилучше разположенныя рѣченія. Но онъ не забылъ напомнить ей о обѣщаніи, которое она хотѣла ему сдѣлать для его друга.

Министръ прибылъ въ девять часовъ, и Клерфонсъ получилъ отъ него съ почтеніемъ и признательностію награжденія, которыми онъ почтилъ его; онъ былъ не меньше тронутъ знаками благодѣянія, которыя онъ присовокупилъ, и не обличилъ ни въ чемъ добраго мнѣнія, которое покровительница его подала о немъ; онъ думалъ сдѣлаться еще достойнѣе онаго, когда онъ представилъ, что онъ не заслуживаетъ знатной годовой пенсіи, которую ему изволили опредѣлить. Онъ примолвилъ, что онъ навсегда соединенъ съ другомъ, котораго достатка было бы довольно для нихъ обоихъ; и изпрашивалъ сего, какъ отмѣнной милости, что бы сія пенсія была от-

отдана бѣдному ла Форею, которую онъ заслужилъ бы должайшими услугами, естьли бы, примолвилъ онъ, преступленіе, которое навлекло ему немилость Государя, не сдѣлало его недостойнымъ его благоволенія.

Преступленіе не весьма велико, отвѣчалъ ему Министръ: оно есть неосторожность, которая будетъ ему вредить, и что для него всего болѣзненнѣе, можетъ ему навлечь непріятелей.

Я отдалъ приказъ, продолжалъ онъ, что бы найти зачинщика нѣкоторыхъ пѣсенъ, въ коихъ перваго ранга особы были обижены. Я извѣстился, что онъ первой ихъ пѣлъ; я послалъ въ его домъ сдѣлать обыскъ въ его отсутствіе и все разыскать. Между бумагами его найденъ списокъ съ сей пѣсни, которая наполнена была вычерками и перемѣнами. Тамъ нашли еще другія неизвѣстныя пѣсни. Я не сомнѣвался, что бы онъ не былъ оныхъ зачинщи-

щикомъ. Знатная особа, ему знакомая, мнѣ призналась, что она ихъ получила отъ него прежде, нежели ихъ узнали при дворѣ. Я не могъ преминуть, чтобъ не наказать его заточенiемъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму, которое я бы охотно по прозьбѣ госпожи Фонбоннъ желалъ сократить, естьли бы Король самъ не былъ о томъ свѣдомъ.

Я могу васъ увѣрить, милостивой государь, отвѣчалъ ему Клерфонсъ съ живостiю, не очень почтительною, которая однако не непонравилась; и я закладуюсь моею головою, что другъ мой не сочинялъ пѣсенъ, въ которыхъ его обвиняютъ, не потому что онъ никогда ничего другаго кромѣ математическихъ изчисленiй и тактическихъ обращенiй не дѣлалъ: но по единой той причинѣ, что онѣ не могутъ быть имъ сочинены, естьли онѣ наполнены колкостiю и язвительностiю.

Вы защищаете вашего друга съ жаромъ: сказала ему госпожа Фонбоннъ.

Клерфонсъ примѣтя, что онъ въ самомъ дѣлѣ въ своемъ отвѣтѣ нѣсколько разгорячился, просилъ прощенія закраснѣвшись.

Усердіе ваше не можетъ иначе почесться какъ похвалы достойнымъ, отвѣчалъ ему господинъ Д. . . Но какъ вы показываете столь чувствительную преданность къ своему другу, то я вамъ даю мое слово, что я чрезъ короткое время справлюся о истиннѣ дѣла; и естьли онъ невиненъ, то я ему помогу.

Увѣреніе сіе, подавшее больше довѣренности Клерфонсу, сдѣлало его гораздо спокойнѣе, и принудило его показать себя Онъ казался Философомъ безъ педантства, ученымъ безъ спѣси, остроумнымъ человѣкомъ безъ злоупотребленія. Онъ гово-

ворилъ равномѣрно хорошо какъ о войнѣ и торгахъ, такъ и о законахъ и политикѣ, о правленіи и денежныхъ доходахъ; онъ упоминалъ о древнихъ и новыхъ сочинителяхъ безъ пристрастія, касался погрѣшностямъ Генераловъ безъ негодованія, хвалилъ хорошія дѣйствія многихъ Офицеровъ, не говоря о своихъ, хулилъ роскошь безъ огорченія, предлагалъ средства къ поправленію не выдавая ихъ за правила: однимъ словомъ, онъ очаровалъ, онъ восхитилъ Министра, которой не могъ понять, какъ молодой человѣкъ, побывавшей единожды въ походѣ, не бывъ употребляемъ ни въ какихъ дѣлахъ, не видавшій никогда ни Парижа ни двора, могъ говорить вообще о всемъ, и разсуждать столь справедливо.

Откуда вы это почерпнули, сказалъ онъ ему; что вы въ такія лѣта научились знать о столь разныхъ вещахъ?

Ни-

Ничего нѣтъ легче понять, отвѣчалъ ему Клерфонсъ; мое воспитаніе было совсѣмъ различно отъ того, которое обыкновенно даютъ молодымъ людямъ; а при начертаніи, которому я слѣдовалъ, сыщется не одинъ, которой научится еще можетъ быть больше, нежели я. Обыкновенно пускаютъ молодаго человѣка въ училище до пятнатцати лѣтъ для выученія нѣскольких Латинскихъ словъ, которыя онъ вышедши оттуда черезъ двѣ недѣли опять забываетъ. Послѣ сего посылаютъ его въ Академію, гдѣ приставляютъ къ нему столько учителей, что послѣдней необходимо заставляетъ его позабыть ученія предыдущаго: я всегда удивлялся, что онъ ихъ узнаетъ, столь число ихъ велико, и иногда математику даетъ онъ штосъ, танцмейстеру предлагаетъ какое нибудь Короларіумъ, у учителя языковъ дѣлаетъ скачки, и беретъ свою скрыпку, что бы подъигрывать учителю Географіи.

фіи. И такъ онъ въ два или три года перебываетъ въ рукахъ человѣкъ двѣнатцати, изъ которыхъ каждой особливо насмѣхаясь надъ другимъ ищетъ его увѣрить, что его наука одна нужна, а другія безполезны: въ самомъ дѣлѣ, по способу, по которому они его учатъ, я всегда удивляюсь, что онъ всѣхъ ихъ узнаетъ: наконецъ его уволяютъ отъ сего рода мучительства, и посылаютъ путешествовать къ чужестраннымъ народамъ, что бы перенять ихъ обычаи и вывезти ихъ смѣшное.

Я видѣлъ одного молодаго человѣка, которой былъ осыпанъ ласками отъ своихъ сродниковъ за то, что онъ проживъ годъ въ Лондонѣ, столько успѣлъ, что могъ очень хорошо подражать Агличанамъ, которые худо нашимъ языкомъ говорятъ.

Другой молодой человѣкъ, которой нѣсколько больше успѣлъ въ сво-

своихъ путешествіяхъ, говорилъ за ужиномъ о законахъ, обычаяхъ и о разныхъ образахъ правленія тѣхъ земель, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ; а другой молодой человѣкъ предпринялъ разсказывать нѣкоторыя тайныя вѣсти о веселой дѣвицѣ, бывшей тогда въ модѣ, и каждой обратился на его сторону.

Что это такое, говорилъ сей молодой путешественникъ; меня заставляли много терять времени, и много полагать труда на изученіе безполезныхъ вещей, между тѣмъ, какъ я могъ бы, не отходя отъ своего камина и печи, научиться всему тому, что нужно для блистанія въ свѣтѣ. Поспѣшимъ скорѣе возвратить сіе потерянное время.

Употребленіе времени въ моей юности было совсѣмъ различно, продолжалъ Клерфонсъ. Отецъ мой, которой былъ больше ученъ, нежели иной сельской дворянинъ обыкновенно бываетъ, поелику онъ былъ не столько богатъ,

гатъ, чтобъ могъ ѣхать терять свое время въ Парижѣ, взялъ первое мое наставленіе на себя; и на десятомъ году зналъ я столько по Латинѣ и по Гречески, сколько обыкновенно знаютъ препроводя десять лѣтъ въ училищѣ. Мать моя, имѣвшая естественныя дарованія, учила меня рисовать и музыкѣ, и въ годъ я выучился всему тому, что надобно знать, когда не хочешь быть ни живописцемъ, ни капельмейстеромъ. Природа одарила меня силою больше нежели обыкновенною; и на двѣнатцатомъ году было моимъ препровожденіемъ времени объѣзживать на лугахъ необузданныхъ молодыхъ жеребятъ; между тѣмъ какъ старой солдатъ, котораго отецъ мой у себя содержалъ, училъ меня артикулу, и скоро я себя увидѣлъ въ состояніи, не опасаться ни Академическихъ учителей верховой ѣзды, ни шпагобойцевъ.

Дядя мой, служившей между инженерами, препроводилъ зиму у моего

его родителя, и я возпользовался симъ временемъ и научился отъ него первымъ основаніямъ Математики и Фортификаціи; мы забавлялись также на небольшое иждивеніе дѣлать нѣкоторые Физическіе и Химическіе опыты. Домашній лѣкарь, которой также былъ другъ нашему дому, принималъ за удовольствіе разсматривать и разпоряжать нашими опытами.

И такъ я получилъ изъ рукъ дружества нужныя наставленія для подкрѣпленія духа моего науками. А чтобъ направить сердце мое къ добродѣтели, то мнѣ только оставалось слѣдовать примѣрамъ моихъ родителей: я имѣлъ нещастіе лишиться ихъ на семьнатцатомъ году моего возраста. Я имѣлъ столь мало склонности къ мотовству, что не почитали за нужное приставить ко мнѣ дядьку, въ разсужденіи чего поступлено весьма худо. Ибо хотя я не разточалъ моего имѣнія по при-

примѣру многихъ молодыхъ людей, однако я имѣлъ столь мало старанія объ ономъ, что оно день отъ дня изтощевалось и обратилось почти въ ничто. Но я нашелъ друга, котораго неусыпныя вниманія наградили достатокъ тѣхъ, которыхъ я не имѣлъ.

Что касается до наукъ, въ которыхъ вы имѣли милость почесть меня знающимъ, то малое чтеніе и большее размышленіе мое научило меня тому, что я объ нихъ знаю. Я нашелъ, что тѣ науки, которыя почитаютъ за самыя отдаленнѣйшія, имѣютъ между собою великое сходство и весьма великое сопряженіе: я былъ весьма различенъ отъ тѣхъ, которые все хотятъ читать, и все сравнивать, я бралъ только хорошихъ писателей въ совѣтъ, дабы не получить мнѣ ложныхъ понятій, отъ которыхъ защититься часто многаго стоитъ труда, когда онѣ представляются подъ блистающими цвѣтами.

Я научился нравоученію изъ Монтаня, законамъ и образамъ управленія изъ Монтескію, естеству изъ Бюффона, дѣламъ Государей изъ П. . . . войнѣ изъ Ф. . . . и М. . . . купечеству изъ Г. . . . Государственнымъ доходамъ изъ М. . . . Людей разпознавать научился я изъ Исторіи, а страсти изъ сообществъ и обращенія. Что касается до познанія самого себя, то нещастія, мною испытанныя, учинили меня въ томъ знающимъ; и я сомнѣваюсь, есть ли лучшій сего учитель.

Господинъ Д. . . . увѣрилъ Клерфонса, что онъ слушалъ его съ великимъ удоволствіемъ, и что онъ весьма радуется, что его узналъ; и онъ счелъ бы себѣ за удовольствіе, естьли бы могъ быть ему полезенъ.

Госпожа Фонбоннъ принуждала его, что бы онъ приходилъ къ ней всякой день обѣдать и ужинать, и про-

просила его не имѣть другаго дома, кромѣ ея во время всего своего пребыванія въ Парижѣ.

Клерфонсъ тронутъ будучи толикими милостями, пошелъ весьма доволенъ, и ничего не доставало бы къ его удовольствію, естьли бы онъ могъ возвратить вольность своему другу; онъ надѣялся чрезъ то дойти до конца и продолжалъ имѣть свое прибѣжище къ госпожѣ Фонбоннъ, употребляя въ свою пользу учтивыя ея предложенія; онъ почти ее никогда не оставлялъ и она находила безконечное удовольствіе въ его присутствіи.

Близъ мѣсяца уже, продолжалъ онъ свое посѣщеніе, какъ получилъ письмо отъ Министра, которой призналъ невинность зла Форея, и открылъ истиннаго зачинщика сихъ пѣсенъ. Оно заключало повелѣніе къ Комендантну замка Піере, что въ Сцизѣ, которымъ

онъ приказывалъ ла Форея освободить: Письмо сіе пришло въ девять часовъ вечера, и Клерфонсъ хотѣлъ отъѣхать въ то же самое время. Но госпожа Фонбоннъ просила его неотступно остаться у нея при ужинѣ, въ чемъ онъ не могъ ей отказать: онъ хотѣлъ тотчасъ удалиться послѣ стола: но она просила его хотя минуту препроводить у нея въ кабинетѣ.

Я бы васъ не принуждала, сказала она ему, умедливать даровать вольность своему другу, единственно для удовольствія удержать васъ у себя еще на нѣсколько часовъ, но я сдѣлала предпріятіе до васъ касающееся, которое я почитаю за выгодное, и которое я вамъ открыть нахожу за нужное. Я желаю искренно сдѣлать ваше щастіе; и я ничего не выдумала способнѣе основать оное твердо, кромѣ приличнаго супружества, въ которомъ вы найдете происхожденіе, пріятности, доста-

токъ, а особливо великую преданность съ стороны вашей супруги. Она васъ знаетъ довольно. Не спрашивайте меня, какъ она узнала васъ. Это тайна, которую я вамъ не открою; я убѣждена по понятію, которое я имѣю о вашемъ свойствѣ, что вы сами не презрите ничего, для содѣланія ее щастливою, а съ ея стороны я увѣрена, что она упражнена будетъ стараніемъ вамъ понравиться и васъ облагополучить. Не представляйте мнѣ препятствіемъ неравенство вашего достатка. Это уже преодолѣно: объявите только мнѣ, не остается ли еще чего другаго, и скажите истинну.

Госпожа Фонбоннъ во время своего разговора разсматривала Клерфонса со вниманіемъ, дабы примѣтить онаго дѣйствіе. Но она приняла на себя излишнее стараніе. Онъ отвѣчалъ ей со всею вольностію, къ какой онъ только былъ склоненъ.

Я тронутЪ, государыня моя, сказалЪ онЪ ей, всѢми тѢми милостями, коими вы меня должите. Я все учиню, что будетЪ зависѢть отЪ меня, что бы сдѢлаться оныхЪ достойнымЪ. Но что касается до послѢдняго, чѢмЪ вы меня почтить хотите, то мнѢ не можно оное принять. Я довольно увѢренЪ о всѢхЪ тѢхЪ выгодахЪ, соединенныхЪ сЪ выборомЪ, кои вы хотѢли сдѢлать для меня; но сердце мое, увядшее отЪ печали, не могло бы притомЪ быть чувствителЬно. Вы знаете, какую я претерпѢлЪ потерю. Я сохраню всегда дорого оныя память: какЪ я осмѢлюсь представить любезной супругѢ сердце, занятое другимЪ предметомЪ, и соотвѢтствовать ласкамЪ ея вздохами? Какое удовольствіе могла бы она вкушать, чувствуя, что сердце мое отвергаетЪ ее вЪ ту самую минуту, когда рука моя ее обниметЪ? МожетЪ быть я и вЪ ея объятіяхЪ, которымЪ бы я сожалѢніемЪ моимЪ

измѢ-

измѣнилъ, пролилъ по ея прелестямъ невѣрныя слезы, болѣзненнымъ исторгнутыя воспоминаніемъ. Виновное заблужденіе могло сдѣлать меня несправедливымъ, но не сдѣлаетъ меня никогда невѣрнымъ.

Отвѣтъ Клерфонсовъ опечалилъ госпожу Фонбоннъ: но она не могла похулить его предпріятія. Она просила его разставаясь съ нимъ писать къ себѣ чаще, и пріѣзжать иногда въ Парижъ.

Клерфонсъ обнадежилъ ее, что онъ думаетъ завезти къ ней своего друга прежде возвращенія ихъ въ свою провинцію, дабы имѣть ему случай отблагодарить за одолженія, которыми онъ ей обязанъ и просить ее о дальнѣйшемъ покровительствѣ. Госпожа Фонбоннъ отвѣчала ему, что всѣ тѣ, за коихъ онъ вступится, могутъ полагаться на ея старанія; и съ тѣмъ они разстались.

Клерфонсъ отбылъ на разсвѣтѣ со всею ревностію вѣрнаго друга, которой ѣдетъ разорвать оковы нещастнаго друга. Онъ вздумалъ отписать къ нему о своей надеждѣ; но сдѣлавъ его оной участникомъ, умножилъ только его нетерпѣливость. Наконецъ поѣхалъ онъ прекратить оную. Онъ спѣшилъ со всевозможнымъ стараніемъ туда, и уже былъ на двѣнатцатой почтѣ: онъ вышедъ изъ своей коляски, какъ для поспѣшенія въ перепряжкѣ, такъ и для прохлажденія своихъ ногъ, примѣтилъ между прогулкою весьма прекрасную церькву, которая была на ружейной выстрѣлъ отъ почтоваго двора. Она была отдалена и походила на монастырь; онъ спросилъ о имени оной и ему отвѣчали, что это игуменство Клермутіерское.

Онъ тотчасъ вспомнилъ, что это то самое, въ которомъ, по рѣчамъ Монтфорта, ихъ драгая

Роза

Роза прекратила свою жизнь. Не взирая на свою поспѣшность, не могъ онъ лишить себя печальнаго удовольствія, что бы не пролить источники слезъ надъ ея гробницею. Онъ приказалъ своему человѣку спустя полчаса быть въ готовности съ лошадьми, а самъ пошелъ одинъ въ монастырь. Первые шаги сдѣлалъ онъ съ поспѣшностію, но скоро потомъ походка его стала медлительнѣе, сердце его начало щемить, по мѣрѣ его приближенія, и наконецъ совсѣмъ почти лишился онъ силъ; напослѣдокъ на силу дошелъ до церькви; но не осмѣлясь въ оную войти, остановился у воротъ. Онъ потупилъ взоръ свой на землю, какъ будто бы для узнанія мѣста, гдѣ почиваетъ пепелъ его любезной Розы. . . . Онъ страшился ступить на сію святую землю . . . Онъ хочетъ сдѣлать дрожащій шагъ на оную . . . но съ трепетомъ удерживается и думаетъ возчувствовать сердце ея, трепещущее подъ своими ногами. . . .

Здѣсь

Здѣсь то опочиваетъ твой прахъ, сказалъ онъ, повергнувшись на землю, и лобызая ее своими устами: о Роза! здѣсь разрушила смерть твою красоту, а земля поглотила твое тѣло, сїе совершенное творенїе природы! Она истощила твое сердце, въ которомъ я господствовалъ. . . . которое ты мнѣ отдала . . . Ахъ! Роза, сїя печальная гробница заключаетъ еще только половину тебя: а другая скоро соединится съ тобою.

Въ сїю минуту представилось ему, что онъ увидѣлъ тѣнь Розы, грядущую позади жертвенника. Онъ чувствуетъ, что сердце его упадаетъ подъ бременемъ его печали; ноги его подъ нимъ подгибаются; силы его исчезаютъ; онъ дотащился до исповѣдальнаго стула, которой былъ близко его, и повергся въ оной безъ чувствїя.

Между тѣмъ заперли церковныя двери, не примѣтя его; и онъ вы-

вышелЪ изЪ своего обморока только отЪ пѣнія монастырокЪ, пришедшихЪ пѣть заутреню. Между сими голосами думалЪ онЪ узнать РозинЪ голосЪ, и будучи тронутЪ понятіями, причинившими ему обморокЪ, и оставившими глубокіе слѣды вЪ его мозгу, думалЪ онЪ, что находится при ней между Ангелами, упражненными пѣніемЪ, и восклицающими хвалу Господу. ОнЪ хотѣлЪ свой голосЪ вмѣшать вЪ оное, но по щастію весьма ослабѣвшія его чувства отказали членамЪ его вЪ возможности образовать тоны, которые могли бы слышимы быть. Между тѣмЪ собрался онЪ мало по малу опять сЪ своими силами и узналЪ истинну, но только для того, что бы погрузиться вЪ большее удивленіе; голосЪ, которой онЪ почелЪ за РозинЪ, началЪ опять одинЪ возпѣвать стихЪ. ПотомЪ смутясь онЪ совсѣмЪ, вЪ изумленіи, хочетЪ встать и бѣжать кЪ рѣшеткѣ, у которой завѣ-

завѣсы были отдернуты. Но силъ у него не достало, и онъ повергся опять въ исповѣдальной стулъ; онъ вспомнилъ, что онъ имѣлъ при себѣ соль, которой понюхавъ началъ собираться мало по малу съ силами и дошелъ до рѣшетки, но заутреня окончилась и монахини ушли съ крылоса; а осталась только одна для прибранія книгъ: глубокой вздохъ, которой онъ испустилъ, заставилъ ее обозрѣться.

О небо! воскликнулъ онъ; не ослѣпляются ли мои чувства, и не уже ли угодно тебѣ возмущать мой разумъ суетными привидѣніями. . . .

Роза. . . . это была сама она; Роза слышитъ голосъ своего любовника, сей столь пріятной сердцу ея голосъ; она распознаетъ онаго тоны. Она бѣжитъ подать ему руку сквозь рѣшетку; Клерфонсъ схватилъ оную, и прижалъ къ ней свои губы. Нѣтъ,

Нѣтъ, возопилъ онъ, это не тѣнь! Богъ творитъ для меня чудо; онъ долженъ былъ симъ моей любви.

Онъ убѣжденъ, что видитъ свою возлюбленную. Однако между тѣмъ первыя произнесенныя имъ слова причиняютъ ему новой обморокъ. Кажется, что сердце его не осмѣливается положиться на свидѣтельство своихъ чувствъ, и духъ его находится въ затрудненіи принять столь сладостную, но важную истину. Наконецъ не можетъ онъ больше сомнѣваться о своемъ благополучіи: но онъ наслаждается онымъ только единую минуту; ужасной страхъ объялъ его вдругъ.

Роза, сказалъ онъ ей съ трепетомъ, преданы ли вы мнѣ и по сіе время? Не привязываетъ ли васъ къ сей обители какое обѣщаніе?

Нѣтъ еще, отвѣчала Роза: но я должна здѣсь окончить свою жизнь лишась вашего сердца. . . .

Лишась моего сердца! вскричалЪ КлерфонсЪ. АхЪ! я вижу, что плачевное заблужденіе, которое долгое время было для насЪ общимЪ, васЪ еще обманываетЪ: но между тѢмЪ, пока я оное уничтожу, Роза, выслушайте мою клятву; я ее даю предЪ БогомЪ, присутствующимЪ вЪ семЪ священномЪ домѢ, и возвращающимЪ васЪ моему сердцу. Вы знаете, осквернены ли были когда уста мои подлою лжею. Роза, я вамЪ клянусь. . . .

ВЪ сію минуту шумЪ ключей послышался у двери.

Я вамЪ вѢрю, сказала тотчасЪ ему Роза, оставляя его, приходите сюда чрезЪ два часа обратно, и вы найдете подЪ сосудомЪ сЪ святою водою письмецо, которое извѢститЪ васЪ о средствахЪ видѢться намЪ, и поговорить между собою вольнѢе.

ВЪ сію минуту пономарь отворилЪ двери и почетши Клерфонса за

вора,

вора, хотѣлъ было ихъ опять запереть; но сей его увѣрилъ, изъясня ему, что онъ вошелъ на канунѣ въ церькову для отправленія въ оной своей молитвы, и удручась трудностями путешествія, селъ въ исповѣдальной стулъ, въ ономъ заснулъ и не будучи ни кѣмъ примѣченъ препроводилъ ночь въ глубокомъ снѣ.

Вышедши изъ монастыря, увидѣлъ онъ нѣсколькихъ женщинъ въ окошкѣ, которыхъ онъ почелъ за пансіонерокъ; онъ примѣтилъ, что онѣ на него смотрѣли пристально; но будучи съ лишкомъ упражненъ другими мыслями не могъ за ними много примѣчать, и такъ продолжалъ свой путь, и пришелъ обратно на почту, гдѣ его ожидали съ великою нетерпѣливостію. Слуга его будучи къ нему весьма усерденъ, препроводилъ всю ночь въ исканіи его, и увидя его пришедшаго весьма обрадовался.

Клерфонсъ сказалъ ему, что онъ не поѣдетъ прежде вечера и проголодавшись покушалъ нѣсколько и возвратился опять въ монастырь. Онъ нашелъ въ самомъ дѣлѣ въ назначенномъ мѣстѣ обѣщанное письмецо; онъ взялъ оное и прочиталъ въ ономъ слѣдующія слова:

„Насъ видѣли. Хотя я еще не привержена здѣсь никакимъ обѣщаніемъ, однако имѣю себѣ ожидать наистрожайшаго наказанія, будучи одна и безъ всякой помощи. Къ кому мнѣ прибѣгнуть, что бы свободиться отъ такой неволи? Я должна пользоваться помощію, которую мнѣ небо въ васъ ниспосылаетъ для удержанія меня отъ клятвъ, которыя чинить скоро бы череда дошла и до меня. Я могу безъ всякаго безпокойства положиться на того, которой имѣлъ стараніе наставлять юность мою къ добродѣтели. Приходите въ полночь къ садо-

садовой калиткѣ, стоящей на рѣку. Она выкрашена зеленою краскою; и вы легко ее сею ночью найдете, естьли осмотрите днемъ. Постарайтесь, что бы коляска ваша около полуночи, какъ возможно, была готова и во всякой исправности.

Восхищенный Клерфонсъ палъ на колѣни для возблагодаренія небу за толь неожидаемое благодѣяніе, и просилъ его о ниспосланіи своея защиты при семъ предпріятіи; онъ возвратился обратно въ гостинницу, и отдохнувъ нѣсколько часовъ, пошелъ кругомъ прохаживаться около монастыря. Онъ узналъ показанную дверь, возвратился назадъ для пріуготовленія своея коляски, и подъѣхалъ въ ней къ назначенному мѣсту ровно въ одиннатцать часовъ. Однако между тѣмъ принужденъ онъ былъ по причинѣ положенія мѣста поставить ее гораздо далѣе, а самъ селъ подъ тополовыми деревьями, стоящими близь калитки.

О небо! говорилъ онъ, коль велико мое щастіе! я получаю въ сію минуту награжденіе за всѣ мои претерпѣнныя злоключенія; сколь онѣ были слабы въ сравненіи награжденія имъ предуготованнаго! Я возвращу въ одну минуту другу вольность и сестру, имъ оплакиваемую, кою онъ не надѣялся увидѣть; коль велика будетъ радость его, когда онъ заключитъ ее въ свои объятія? Коль же велика будетъ и моя, когда я ее приму изъ его рукъ! Несправедливые смертные, оскорбляющіе небо своими жалобами за малѣйшую потерю, и за малое злополучіе! Ожидайте съ молчаніемъ дѣйствія его благости всегда готовой воздать со щедротою. Заслуживайте благодѣянія его своею терпѣливостію!

Небо въ самомъ дѣлѣ тогда больше испытало его терпѣніе, нежели когда нибудь прежде. Ему послышался шумъ съ той стороны, гдѣ стояла его коля-

ляска. Онъ поспѣшилъ туда и спрашивалъ о семъ своего слугу, которой ему отвѣчалъ, что какой то конечно пьяной человѣкъ, приходя нѣсколько разъ хотѣлъ къ нимъ сѣсть: однако наконецъ онъ его прогналъ. Клерфонсъ приказавъ ему наблюдать глубокое молчаніе, возвратился опять въ потаенное мѣсто не подалеку отъ калитки.

Ночь была весьма темна. Ему показалось или лучше послышалось, что нѣсколько человѣкъ шли на нѣсколько шаговъ отъ него съ поспѣшностію мимо: но какъ великой для него стоило важности, что бы они его не примѣтили, то онъ спрятался за дерево; а по прошествіи ихъ, возвратился обратно къ своей колясkѣ.

Наконецъ ударило уже двѣнатцать часовъ. Тогда то сердце его начало трепетать жестоко. Всякой листъ, колеблемой вѣтромъ, подиралъ у него

 кожу

кожу на всемъ тѣлѣ. Онъ ожидалъ нѣсколько минутъ довольно спокойно: но по прошествіи четверти часа безпокойствіе начало имъ овладѣвать. Оно возрастало поминутно; онъ думалъ, что часы его обманули; и такъ справился съ своими карманными часами, которые пробили двѣнатцать часовъ и три четверти; онъ повторилъ справляться два раза, и два раза било одно: наконецъ послышался ему въ саду шорохъ, какъ будто кто идетъ. Но сія слабая надежда скоро опять изчезла. Прямо на своихъ ногахъ, руки склавши, ухо приложа къ двери, казалось, что всѣ чувства его остановившись соединились отдать всѣ свои отправленія одному слуху. Какъ онъ головою прислонился къ двери, то померещилось ему, что она отворяется потихоньку; въ самомъ дѣлѣ, она была отворена. Открытіе сіе опять его ободрило, и заставило его думать, что это сдѣлано осторожностію Розы, и что конечно она не могла найти благо-

благосклонной минуты къ своему побѣгу; между тѣмъ начало свѣтать и къ заутренѣ зазвонили. Онъ надѣялся, что Роза воспользуется сею минутою. Онъ думалъ, что сія благопріятная минута, которая на канунѣ ему возвратила его возлюбленную, будетъ таже самая, которая ему вручитъ ее въ его объятія; однако ничего не являлось; и солнце уже начавшее появляться прогнало его надежду съ ночною тѣнію.

Онъ принужденъ былъ удалиться, опасаясь, что бы его не примѣтили. Но какъ ему пріѣхать было на почту на свѣжихъ лошадяхъ? Гдѣ, спросятъ, препроводилъ ночь! и такъ онъ вознамѣрился послать свою коляску на слѣдующую почту, а извощика склонилъ обыкновенными средствами въ подобныхъ случаяхъ къ молчанію, и приказалъ своему человѣку пріѣжжать на слѣдующую ночь съ коляскою на самое тоже мѣсто.

Что касается до нето, то онъ воспріялъ препроводить день въ окрестностяхъ монастыря; онъ обошелъ около его двадцать разъ вокругъ; пробылъ всѣ молитвенные часы въ церквѣ, и не слыхалъ въ оной голоса Розы. При томъ искалъ и подъ сосудомъ съ святою водою, не подложила ли она какого отвѣта на неустойку въ своемъ словѣ, но тщетно. Какое бы злощастное приключеніе могло поколебать столь благополучныя предпріятія, и по видимому столь удобныя къ исполненію?

Всякое, какое только страхъ можетъ причинить безпокойство, и всякое, какое только любовь можетъ испытать огорченіе, Клерфонсъ чувствовалъ. Всѣ возможныя злощастія представились его воображенію: естьли сей день былъ для него дологъ, тягостенъ, и болѣзненъ, то конецъ онаго былъ еще плачевнѣе.

Солнце уже закатилось; облака, затмѣвающіе его чрезъ весь день,

ка-

казалось будто споспѣшествовали его захожденію, и густая ночная темнота скрыла скоро отъ глазъ наиближайшіе предметы.

Клерфонсъ удалился къ маленькой зеленой калиточкѣ, какъ скоро увидѣлъ, что солнце закатилось. Ему послышалось, что будто пріѣхала его коляска. Онъ пошелъ къ той сторонѣ, но ступивъ только нѣсколько шаговъ, почувствовалъ, что его весьма сильно схватили; онъ употребилъ нѣкоторое сопротивленіе, чтобъ вырваться, но безполезно; должно было уступить числу; онъ почувствовалъ, что его поволокли въ коляску, въ которую съ нимъ также много народу посѣло, и притомъ слышалъ, что не мало за нимъ слѣдовало еще и верьхами на лошадяхъ; вотъ все, что онъ могъ разпознать; поелику темнота столь была велика, что онъ не могъ разглядѣть и самыхъ съ нимъ сидѣвшихъ. Всѣ его вопросы были безполе-

лезны; около трехъ четвертей часа ѣзды, коляска остановилась, и онъ введенъ былъ въ такое мѣсто, которое по мрачному сiянiю лампады, удобно почесть онъ могъ за тюрьму. тогда провожатые, бывшiе изъ маршалскихъ разсыльщиковъ, оставили его на руки темничника.

Клерфонсъ у него спросилъ, въ какомъ преступленiи его обвинили, и по чьему приказанiю онъ взятъ подъ стражу, когда ему самому препоручено исполненiе Министерскаго повелѣнiя; рѣчи сiи сдѣлали не много учтивѣе пристава, которой началъ ему отвѣтствовать съ нѣкоторымъ почтенiемъ. Однако между тѣмъ почелъ онъ себѣ за должность въ карманахъ у него объискать, прося у него прощенiя въ должной необходимости дѣлать то со всѣми по уголовнымъ дѣламъ преступниками.

Я, преступникъ по уголовному дѣлу! вскричалъ Клерфонсъ, негодуя

на

на сіе нахальство и смѣлость, съ какою дерзнули наложить на него руки; берегись предпринимать, сказалъ онъ ему, то, что можетъ привести васъ въ разкаяніе.

Угроза сія мало устрашила пристава, которой хотѣлъ продолжать; тогда Клерфонсъ не видя около себя болѣе двухъ человѣкъ, думалъ, что ему можно у нихъ уйти, повергъ одного изъ нихъ къ своимъ ногамъ съ перваго даннаго ему удара; другой же началъ кричать изъ всей своей силы, и такъ появилось въ мигъ человѣкъ около десяти, которыхъ надлежало по ихъ ужасной величинѣ и силѣ и по ихъ свирѣпому взгляду почесть за особенной родъ людей. Они овладѣли нещастнымъ Клерфонсомъ, связали его крѣпко и отвели въ темной покой.

Но когда онъ самымъ печальнымъ размышленіямъ въ добычу былъ оставленъ, то твердость его оста-

оставила бы его въ такомъ свирѣпомъ состояніи, естьли бы онъ былъ только Философъ; но онъ получалъ изъ твердыхъ положеній закона облегченіе, котораго бы ему доставить не могли тщетныя философическія умозаключенія.

Я сопротивлялся многимъ нещастіямъ, говорилъ онъ, облетѣвъ мыслями всѣ приключенія своей жизни. Небо безъ сумнѣнія не позволитъ мнѣ здѣсь скончаться. Первое и большее изъ всѣхъ злощастій есть, что я въ слѣпомъ заблужденіи лишилъ жизни человѣка; когда благость небесъ не позволила, что бы я въ тоже самое время на мѣстѣ получилъ заслуженое наказаніе, то ихъ правосудіе конечно благоволило, что бы прочія нещастія, послѣдовавшія за онымъ, были за то наказаніемъ. Но изъ всѣхъ бѣдствій, коими оно меня поразило, ни одно мнѣ не было чувствительнѣе сего послѣдняго; я видѣлъ себя лишенна жадными

мо-

монахами небольшаго достатка, оставленнаго мнѣ щастіемъ; я взялъ свое прибѣжище къ правосудію и сдѣлался игралищемъ шиканства; я испыталъ военные труды и грубость побѣдоноснаго и свирѣпаго непріятеля; я чувствовалъ жестокія болѣзни отъ моихъ и друга моего ранъ; я лишился руки; я сносилъ ужасъ бѣдности и плѣнничества; я оплакивалъ почти цѣлой годъ обожаемую любовницу. Небо кажется содѣлываетъ для меня чудеса, оно мнѣ показало ее, что бы ее у меня похитить... будучи столь близко къ благополучію соединиться съ особою, которая мнѣ всего милѣе въ свѣтѣ... О Божіе провидѣніе! я не знаю, для какихъ искушеній ты меня сохранило! но я сомнѣваюсь, чтобъ послѣ сего искушенія, которое ты заставляешъ меня претерпѣвать, осталось еще какое нибудь?

Я былъ столь щастливъ, что избавилъ невинность моего друга,

но

но кто дастъ знать о моей? Я буду жертвою. . . за что . . . ничто не представляется колеблющемуся моему духу . . . Вся надежда отказывается отъ унылаго моего сердца. Я вижу, что меня обвинятъ въ злодѣяніи, и поступятъ со мною, яко съ преступникомъ. О небесное милосердіе! когда уже ты удостоило меня прощеніемъ моихъ преступленій, то и не накажешъ мою невинность.

За сими печальными размышленіями послѣдовало изобиліе слезъ. Небо, осуждающее отчаяніе, не лишаетъ чувствительности; но сіе напротивъ того должно почитать за знакъ его благости, когда оно намъ ее оставляетъ, для ощущенія искушеній, которымъ оно насъ хочетъ подвергнуть, дабы пріуготовить насъ къ благополучію. Клерфонсъ находился три дни въ семъ плачевномъ состояніи. Онъ по щастію имѣлъ при себѣ часть Попія; онъ любилъ весьма

ма сего писателя и изъ сего утѣшительнаго Философа, научился онъ чрезвычайной его терпѣливости и его покорности Божію провидѣнію, будучи увѣренъ, что его тайныя побужденія всегда клонятся къ лучшему концу.

Приставъ нашедши между Клерфонсовыми бумагами учтивое письмо, которое писалъ къ нему Министръ, приславши къ нему указъ о возвращеніи вольности его другу, тотчасъ отвелъ его въ наиспокойнѣйшую горницу, и оказывалъ ему всякое почтеніе; но не могъ его увѣдомить о причинѣ его заключенія, о которой онъ и самъ не зналъ.

Въ вечеру на третій день, Клерфонсъ облокотясь на окошко и стараясь разсѣять свои жестокія безпокойства видомъ прелѣстныхъ нивъ, кои представлялись взору его вдали; примѣтилъ, что рѣшетка, заграждающая окно была не крѣпка. Онъ ее

съ начала потрясши тихонько, примѣтилъ что она отступала, а какъ тряхнулъ ее сильнѣе, то она уже ни на чемъ не держалась. Но онъ отложилъ до ночи совершеніе своего открытія.

Какъ скоро тишина, царствующая въ темницѣ возвѣстила ему, что каждой наслаждался сномъ, то выломилъ онъ рѣшетку совершенно, и достигъ до своего желанія; но она сдернула за собою столь великую кучу каменьевъ, что причинился ужасной стукъ во время паденія ея на землю.

Клерфонсъ думая, что всѣ тюремные караульщики пробудившись отъ сна, прибѣгутъ въ его горницу, что бы его опять связать, и отвлещи въ покаянную; предпріялъ защищаться даже до послѣдней крайности. Онъ схватилъ кочергу, и дожидался ихъ мужественно; но какъ никто не тронулся, то разпоролъ онъ

свои

свои простыни и занавѣсы узенько вдоль, и связалъ ихъ концами одну съ другою. Какъ онъ пріуготовился уже совсѣмъ спускаться внизъ; то остановило его размышленіе и лишило его почти плода его трудовъ.

Мнѣ, сказалъ онъ, бѣжать какъ преступнику, укрывающему голову свою отъ заслуженаго наказанія!.. Однако не провидѣніе ли подало мнѣ средство, которымъ я долженъ пользоваться? Поколику оно мнѣ споспѣшествовало въ моемъ предпріятіи не взирая на толикія затрудненія, то я не долженъ противиться его волѣ.

И такъ Клерфонсъ отъ страха или изъ любви къ вольности, столь для человѣка естественной, предался сей послѣдней мысли, и благополучно вышелъ изъ темницы. Радость освободиться отъ нещастной минуты, заставляетъ забывать въ сію минуту всѣ прочія; онъ

находился въ состояніи такого человѣка, которой отягченъ бременемъ его угнѣтающимъ, и чувствуетъ, будто кто оное слагаетъ съ его плечь. Онъ обратился въ бѣгство со всею скоростію оленя, высвободившагося изъ тенетъ, въ кои онъ попалъ: но бѣжавши съ полчаса безъ отдышки, вдругъ остановился и размыслилъ, что онъ не зналъ, куда его вела дорога, имъ предпріятая. Луна не свѣтила; на покрытомъ облаками небѣ не видно было ни одной звѣзды, которая бы могла быть ему путеводителемъ; однако онъ мало по малу вспомнилъ захожденіе солнца, и продолжалъ свой путь. И такъ онъ пустился еще плутать въ ночи и бѣжать, не зная куда.

По щастію на разсвѣтѣ дня встрѣтился онъ съ нѣкоторыми крестьянами, которые везли конечно съѣстные припасы въ то мѣсто, откуда онъ ушелъ, спросилъ у нихъ о лежащей дорогѣ въ Па-

Парижъ, и они ему отвѣчали, что бы онъ слѣдовалъ только по той, по которой онъ шелъ; однако онъ свернулъ не много съ оной, что бы итти тѣмъ безопаснѣе: но нашедши на небольшую рѣчку, былъ принужденъ опять взять старую дорогу; нѣкоторые другіе крестьяне видя его чрезвычайно утомившагося; говорили ему, что онъ можетъ пользоваться коляскою, которая съ ними встрѣтилась и которая казалось возвращалася пустая. Онъ удвоилъ тотчасъ свои шаги, что бы застать ее въ первой деревнѣ, пока станутъ перемѣнять лошадей.

Бѣжавши онъ съ полчаса, пришелъ на почту, гдѣ нашелъ коляску, о которой ему добрые сіи люди сказали; онъ ее издали обозрѣлъ передъ воротами, и почелъ ее за свою, что она была въ самомъ дѣлѣ. Какой щастливой случай! Слуга его препроводя три дни въ исканіи его окрестъ монастыря, и не

могши о немъ получить никакого извѣстія, притомъ не имѣя у себя довольно денегъ ѣхать въ Ліонъ, гдѣ имъ надлежало быть, предпріялъ возвратиться въ Парижъ, и наведаться объ немъ у госпожи Фонбоннъ, не знаетъ ли она о мѣстѣ его пребыванія.

Клерфонсъ похваляя столь благоразумное расположеніе, толико ему благопріятствующее, и не давъ знать своему слугѣ о всемъ ему приключившемся, селъ въ свою коляску и велѣлъ ѣхать въ Парижъ, куда онъ принужденъ былъ опять возвратиться для испрошенія новаго приказанія на освобожденіе нещастнаго ла Форея, потому что первое осталося въ рукахъ пристава въ....

Возвращаясь въ Парижъ, послалъ онъ своего человѣка въ игуменство Клермутіерское освѣдомиться въ окрестности о всемъ касательномъ до Розы. Слѣдовательно онъ дол-

долженЪ былЪ неотмѣнно его увѣдомить, что она еще жива, какЪ онЪ ее опять отыскалЪ, и какЪ онЪ хотѣлЪ увезти ее вЪ ту самую ночь, которую онЪ препроводилЪ между деревьями и около монастыря. Тайна сія была важна. Но онЪ не подвергался никакой опасности, открывая оное такому человѣку, о вѣрности и благоразуміи котораго онЪ былЪ увѣренЪ.

И такЪ онЪ продолжалЪ путь свой вЪ ПарижЪ, давши ему всѣ нужныя наставленія, и приказавЪ ему, что бы онЪ по крайней мѣрѣ вЪ четыре дни возвратился кЪ нему кЪ госпожѣ ФонбоннЪ.

На первой почтѣ КлерфонсЪ томимЪ будучи чрезвычайною жаждою велѣлЪ себѣ подать свѣжей воды карафинЪ, которой онЪ выпилЪ не отдыхавши; лишь только выпилЪ оной, то чрезЪ нѣсколько времени почувствовалЪ вЪ боку колотье,

столько напослѣдокъ увеличившееся, что онъ пріѣхавши на слѣдующую почту едва могъ дышать: онъ спрашивалъ нѣтъ ли тутъ лѣкаря. Но на тотъ часъ его не случилось, однако скоро привезли его изъ деревни, и онъ ему тотчасъ пустилъ кровь. Сіе въ надлежащее время случившееся кровопусканіе спасло ему жизнь: чувствуя въ себѣ небольшое облегченіе селъ онъ опять въ свою коляску. Ближайшая почта была вдвое далѣе, и такъ ему стоило великаго труда оной достигнуть. По пріѣздѣ его на оную пришла къ нему жестокая лихорадка, и онъ слегъ въ постелю и принужденнымъ нашелся послать за лѣкаремъ, которой былъ по щастію не много перваго поискуснѣе, служивъ долгое время въ армейскихъ лазаретахъ, и сказалъ ему, что болѣзнь его состояла въ колотьѣ, которое посредствомъ обильнаго кровопусканія, имъ употребленнаго, еще не совсѣмъ унялось. И такъ онъ пустилъ ему

еще кровь два раза съ ряду, положилъ ему на бокъ припарку изъ *желѣзной травы* и изъ *лютику* смѣшавши съ овсяною мукою приказавъ ему пить приготовленной заблаговременно напитокъ.

Клерфонсъ уснулъ крѣпко часовъ съ шесть, напившись сего напитка, и имѣлъ весьма сильное изпареніе во время продолженія сна. Пробудясь не чувствовалъ онъ никакой иной боли кромѣ великой слабости.

Лѣкарь не отходя отъ его постели, отнялъ у него припарку, приложенную ему къ боку. Вмѣсто того, что бы найти ее какъ то обыкновенно случается, сухою, то она была напоена смердящимъ потомъ, котораго запаху не можно было терпѣть, и потовыя скважины были наполнены кровью.

Клерфонсъ совсѣмъ хотѣлъ встать и ѣхать: но лѣкарь увѣрялъ

его, что онъ постели прежде трехъ, а горницы прежде пяти дней оставить не можетъ, естьли онъ не хочетъ подвергнуться опасности всякую минуту быть въ безсилiи; что сомнительные знаки болѣзни, имъ вытерпѣнныя, были одни изъ тѣхъ стараний природы, при которыхъ она весьма ослабѣвала.

И такъ должно было имѣть ему терпѣнiе, и во время сихъ пяти дней взять свое прибѣжище къ философу Попiю.

Клерфонсъ хотѣлъ при своемъ отъѣздѣ сдѣлать лѣкарю подарокъ, состоящей изъ нѣсколькихъ луидоровъ, въ награду за его доброе попеченiе: но сей совсѣмъ отрекся оной принять, а просилъ только Клерфонса доставить себѣ предстательство Генералъ Прокуратора, или Министра, за одного изъ его братьевъ, съ которымъ случилось нещастiе; Клерфонсъ отвѣчалъ ему, что

что онъ особливо знаетъ послѣдняго, и чтобъ онъ объяснилъ ему только родъ нещастія, брату его приключившагося.

Братъ мой, отвѣчалъ лѣкарь, препроводя свою молодость въ военной службѣ, пошелъ въ отставку не могши попасть въ инвалиды. Но какъ онъ увидѣлъ себя такимъ образомъ безъ хлѣба и не учася ничему такому, чѣмъ бы себѣ могъ оной заслуживать, и гонимъ будучи бѣдностію, нашелъ себя принужденнымъ жениться на вдовѣ тюремнаго пристава въ Н. . маленькомъ городкѣ въ двѣнатцати миляхъ отсюда. За нѣсколько дней тому имѣлъ онъ нещастіе упустить важнаго колодника. Но какъ уже вторично случилося съ нимъ сіе нещастіе, то совѣтъ конечно подозрѣвая его быть участникомъ сихъ побѣговъ осудилъ его самого въ тюрьму на годъ, а потомъ потерять и свое мѣсто. Я получилъ вчера о семъ печальную вѣ-

вѣдомость, которая не меньше и Клерфонса привела въ смущеніе. Ибо по разпрошеніи лѣкаря о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, ему не возможно было усумниться, что бы не о немъ рѣчь была. Открытіе сіе увеличило его безпокойство, и принуждало его ускорять своимъ отъѣздомъ. Онъ обѣщалъ лѣкарю постараться о его братѣ, и увѣрялъ его, что прежде четырехъ дней онъ его о семъ увѣдомитъ; но съ тѣмъ договоромъ, что бы онъ принялъ подарокъ ему поднесенной, которой онъ удвоилъ такъ, что сей честной человѣкъ сего и не примѣтилъ.

Никогда никому дорога столь долгою не представлялась, какъ Клерфонсу оставшіяся двѣнатцать миль. Жестокая неизвѣстность о судьбѣ Розы, печальной образъ сидящаго въ оковахъ своего друга, невинность бѣднаго пристава, долженствующаго жертвовать за его побѣгъ и честію и пропитаніемъ; какія

кія праведныя причины къ нетерпѣливости! Но за сею минутою воспослѣдуетъ еще совсѣмъ другая.

Можно себѣ легко вообразить, что Клерфонсъ по пріѣздѣ своемъ тотчасъ побѣжалъ къ госпожѣ Фонбоннъ. Онъ нашелъ въ ея передней своего человѣка, посланнаго въ игуменство Клермутіерское.

Ну! ла Фонтъ, какія вѣсти?

Извольте, сударь, войти, сама госпожа взялась васъ о нихъ увѣдомить.

На сей отвѣтъ онъ предускорилъ того, которой шелъ о немъ доложить; онъ вошелъ съ поспѣшностію. О Боже! Какіе предметы поразили его взоръ! Роза и ла Форе находятся въ объятіяхъ госпожи Фонбоннъ, встрѣтившей его съ восклицаніемъ. Боже! вскричалъ онъ, отчасу больше чудесъ!

Онъ

Онъ кидается къ нимъ, вмѣшивается между ими наитрогательнѣйшимъ образомъ; ласки усугубляются, поцѣлуи повторяются, сладостныя имена братъ, сестра и пріятельница слышатся сопровождаемы воздыханіями; радостныя слезы смѣшиваются на щекахъ одна къ другой прижатыхъ; можно было сказать, что всѣ сіи четыре особы одушевляла единая душа. Долгое время чувствованіямъ не доставало выраженій; наконецъ восхищенія лишились силъ, и они принуждены были сѣсть.

Ахъ, сударыня! возопилъ Клерфонсъ, тронутый своимъ щастіемъ, послѣ толикихъ милостей, коль пріятно мнѣ получить изъ вашихъ рукъ двухъ особъ, которыя для меня всего въ свѣтѣ дороже; такимъ то образомъ возпріяли вы увѣнчать всѣ обязательства, за которыя я вамъ одолженъ благодарностію! но позвольте мнѣ спросить, какимъ мы но-

новымЪ чудотвореніемЪ наконецЪ паки соединились.

То, что вы называете чудомЪ, отвѣчала госпожа ФонбоннЪ, есть безЪ сомнѣнія дѣйствіе благости небесной; но оно употребило весьма простое кЪ тому средство.

Ла ФонтЪ, посланной вами вЪ окрестности игуменства Клермутіерскаго для развѣданія о сей дѣвицѣ..

АхЪ! сударыня, прервала Роза рѣчь ея укоризненнымЪ голосомЪ, изЪявляющимЪ чувствительность: вы мнѣ обѣщали удостоить меня своимЪ дружествомЪ; и имя, мнѣ вами приписанное, не то. Вы видите, что любящіе меня называютЪ меня Розою. Не давайте мнѣ никакого другаго имени, естьли вы не хотите меня печалить.

Изрядно! отвѣчала госпожа ФонбоннЪ, и такЪ ла ФонтЪ, посланной

ной вами для развҍданія о приклю-ченіяхъ Розы . . . При семъ словҍ Роза прервала еще разъ слова ея поцҍловавъ ее изъ благодарности.

По истиннҍ, сказала госпожа Фонбоннъ, какъ не изъясняйся, то все не возможно будетъ говорить; слушайте любезная дҍвица, продолжала она, чиня ей съ своей стороны дюжину поцҍлуевъ одинъ за другимъ, дадите ли вы намъ время разсказать о приключеніяхъ сего бҍднаго Клерфонса? . . .

Сіе не послужило средствомъ къ унятію Розы, съ лишкомъ веселившейся симъ споромъ: но какъ у васъ послҍдняго слова добиться не можно, то я вамъ приказываю, сказала госпожа Фонбоннъ Розҍ, поцҍловавъ ее еще разъ, отдать оной Клерфонсу въ воздаяніе нетерпҍливости, вами ему причиняемой. Клерфонсъ подбҍжалъ тотчасъ для принятія онаго и отдалъ его той, коей онъ

онъ былъ одолженъ. Ла Форе, не хотѣвшій остаться безполезнымъ зрителемъ, присоединился также къ нимъ; тогда началось самое лучшее дѣйствіе чувствованія, и я не знаю, когда бы оно кончилось, естьли бы не пришли доложить, что кушанье поставлено на столъ.

Можно себѣ легко вообразить, что обѣдъ отъ нетерпѣливости, которою каждой пылалъ поговорить со всякимъ особливо, былъ коротокъ. Вставши госпожа Фонбоннъ изъ за стола, приказала не пускать къ себѣ никого изъ постороннихъ, и такъ друзья ея вошли къ ней въ кабинетъ. Она посадила Клерфонса подлѣ себя, а ла Форея по другую сторону, такъ, что Розѣ досталось сѣсть напротивъ ее, и сія была въ несостояніи ее перерывать; она же начала паки повѣсть свою слѣдующимъ образомъ.

Дабы ла Фонтъ тѣмъ лучше въ близости игуменства Клермутіер-

 скаго

скаго быть могъ, то онъ остановился въ Круазіерѣ на почтовомъ дворѣ, гдѣ вы препроводили день, дожидаясь ночи, назначенной для овладѣнія вашею любезною Розою. Онъ увѣдомился, что одна монастырка въ ту же самую ночь была похищена и хищникъ былъ пойманъ на другой же день. Но кто бы могъ быть симъ хищникомъ? И сія монастырка была ли Роза? Была ли она приведена обратно въ монастырь? Какимъ образомъ могло произойти сіе похищеніе, когда вы всю сію ночь препроводили у калитки? . . . Сего онъ не могъ понять; но то его болѣе еще удивило, что онъ во второй день своего пребыванія въ Круазіерѣ, увидѣлъ прискакавшаго туда во весь опоръ ла Форея. Вы конечно ему не сказали, что вы, задержаны будучи толикими обстоятельствами, опасались, что вы сами не такъ скоро могли его освободить, и потому послали къ Коменданту повелѣніе о его выпускѣ.

Я

Я ему въ самомъ дѣлѣ тѣмъ менѣе о семъ сказалъ, отвѣчалъ Клерфонсъ съ удивленіемъ, что, чего вы надѣялись, не случилось, и повелѣніе осталося въ рукахъ пристава Н... ской тюрьмы.

Потомъ разсказалъ онъ, какимъ образомъ онъ былъ захваченъ у монастырскихъ стѣнъ, и отведенъ въ Н...скую тюрьму; какое средство употребилъ онъ для освобожденія себя изъ оной, о щастливой встрѣчѣ съ своею коляскою, когда онъ бѣжалъ пѣшкомъ. объ остановившемъ его на дорогѣ колотьѣ, и о способѣ, которымъ онъ излѣчился отъ онаго, что съ нимъ разговаривалъ его лѣкарь, и о данномъ имъ обѣщаніи защитить невинность его брата, и о желаніи свободить его отъ претерпѣваемаго за него наказанія.

Сіе множество приключеній, которыхъ сопряженіе не могло еще обнаружиться въ ихъ сердцахъ, при-

чинило въ нихъ великое удивленіе: подождите не много, сказала госпожа Фонбоннъ, я думаю, что нѣкоторыя изъ оныхъ предвижу; темничной надзиратель, говорите вы, взялъ къ себѣ Министрово повелѣніе. Онъ конечно убоялся наказанія оставить его въ своихъ рукахъ, и отослалъ на почтѣ къ тому, къ кому было оно надписано, и которой тотчасъ его исполнилъ.

Сіе разположеніе казалось быть правдоподобнымъ; и въ самомъ дѣлѣ оно было справедливо. Ничего болѣе не оставалось кромѣ того, чтобы открыть о другихъ обстоятельствахъ, о похищеніи и о встрѣчѣ Розы съ своимъ братомъ; и она разсказала оныя слѣдующимъ образомъ оборотясь къ Клерфонсу.

За два дни прежде того, какъ я имѣла щастіе васъ опять найти въ игуменствѣ Клермутіерскомъ, госпожа Графиня Лозанъ пріѣхала туда

да для пробытія вЪ ономЪ нѣсколько дней . . .

Графиня ЛозанЪ? ПерервалЪ рѣчь ея ла Форе; та, которыя мужЪ командовалЪ вЪ . . . а потомЪ вЪ. . .? ТакЪ, перебилЪ рѣчь ихЪ сЪ нетерпѣливостію КлерфонсЪ, сестра Монтфортова; развѣ вы ее не знаете?

НѣтЪ, конечно, отвѣчалЪ ла Форе; я ее не знавалЪ подЪ симЪ именемЪ; я только пробылЪ, какЪ вамЪ извѣстно, восемь дней вЪ замкѣ МонтфортскомЪ; и не случилось ни одного раза обЪ ней говорить во все время моего вЪ ономЪ пребыванія . . . но теперь я ее довольно знаю.

А естьли такЪ, отвѣчала Роза, которая хотѣла продолжать свою повѣсть, то скажи же намЪ, какЪ ты ее знаешь, естьли это важно, а потомЪ я . . .

Естьли это важно? . . . Это та дама, сказалъ онъ Клерфонсу, которая была у господина Маршала Левендаля, и которая мнѣ желала столько добра. Я ее при послѣднемъ моемъ путешествіи въ Версалію опять нашелъ. Но любезная моя сестрица, окончай прежде свою повѣсть, а послѣ я тебѣ разскажу свою.

Графиня Лозанъ, продолжала Роза, пріѣхавши для свиданія съ своею свойственицею, игуменьею Клермутіерскою, или лучше побудить меня, что бы я постриглась, къ чему она меня давно принуждала, и увидѣвъ васъ выходящихъ изъ монастыря, узнала. Черезъ минуту послѣ того госпожа игуменья прислала за мною подъ видомъ пустыя причины, и чинила мнѣ тысячу вопросовъ, заставившихъ меня сумнѣваться, что мы открыты. Госпожа Лозанъ меня болѣе не оставляла; однако я нашла вре-

время написать къ вамъ записку, которую я вамъ обѣщалась положить подъ сосудомъ съ святою водою; но едва только успѣла я ее спрятать, какъ увидѣла ее идущую ко мнѣ. Я пошла на встрѣчу ей безъ принужденія, и старалась ее отдалить, дабы вы могли имѣть способной случай оную взять. Я не имѣла никакого затрудненія оное благополучно произвести въ дѣйство. Она меня оставила, что бы итти ей въ свою горницу; а я заперлась въ своей, для помышленія о средствахъ, которыя я хотѣла употребить, что бы уйти не бывъ никѣмъ примѣченою. Безпокойство начало меня мучить о запискѣ. Я опасалась, что не видала ли она меня, какъ я ее прятала, я воротилась для удостовѣренія, не похитили ли ее. Я ее хотя нашла въ томъ же мѣстѣ: но мнѣ вообразилось, что она была читана, поколику я ее нашла развернутою. Я покусилась оную взять назадъ, но невозможность доста-

вить вамъ ее другимъ образомъ, побудила меня оную опять тамъ же оставить. Я вамъ не скажу, какимъ я страхомъ была чрезъ весь тотъ день обезпокоивана; я думаю, что, не взирая на все мое стараніе о скрытіи онаго письмеца, не утаилося оно ни отъ госпожи игуменьи, ни отъ Графини Лозанъ: но наконецъ по пришествіи ночи, убрала я все въ небольшой свертокъ самое для меня нужное; а какъ скоро щасливо назначенной часъ пробилъ, то взяла я путь свой къ саду: и прошедши благополучно всѣ крытые переходы пошла мимо окошекъ госпожи игуменьи, и госпожи Лозанъ, въ которыхъ не видя огня, весьма ободрилась.

Я примѣтила уже за долго прежде, не воображая себѣ, что мнѣ сіе примѣчаніе будетъ когда нибудь полезно, что садовникъ не уносилъ ключа отъ калитки вамъ мною назначенной, но пряталъ его подъ

ящикъ

ящикъ лавроваго дерева. Я нашла его тамъ въ самомъ дѣлѣ, и отперла дверь такъ тихо, какъ только мнѣ было возможно: но не успѣла отступить отъ оной четырехъ шаговъ, какъ услышала ст, ст; и вдругъ почувствовала себя схваченною двумя человѣками, кои съ обѣихъ сторонъ подхватили меня подъ руки и заставили итти очень скоро. Хотя я была предупреждена, и не сумнѣвалась, что бы сіи двое не были изъ вашихъ людей, однако не могла я себя пересилить, что бы не почувствовать отъ страха нѣкотораго движенія, причиненнаго безъ сомнѣнія тишиною и ночною темнотою, и можетъ быть внезапнымъ движеніемъ, съ которымъ меня подхватили. Я воображала, что вы остались при вашей коляскѣ, и я лишь только хотѣла у нихъ спрашивать, далеко ли отъ нихъ коляска, какъ услышала нѣкого возлѣ насъ идущаго: страхъ быть узнанной принудилъ меня наблюдать молчаніе, и

мои провожатые продолжали заставлять меня итти скорыми шагами. И такъ больше бѣжавши, нежели шедши обыкновеннымъ шагомъ съ лишкомъ полчаса, такъ запыхалась, что мнѣ не возможно было далѣе итти. Я у нихъ спрашивала, для чего они ближе не подъѣхали, и отъ трудности совсѣмъ обезсилѣвъ упала на землю. Они увидя, что я отказывалась съ ними слѣдовать, оставили меня не отвѣчая мнѣ ни слова; я думала, что они пошли за вами. Я ожидала съ довольнымъ спокойствіемъ съ четверть часа; но не видя вашего прихода, встала я съ трепетомъ и слѣдовала по той дорогѣ, по которой видѣла ихъ пошедшихъ, при чемъ не могла понять, для чего вы сами не могли притти, и для чего вы ввѣрили попеченіе такимъ людямъ о такой особѣ, которая долженствовала быть вамъ мила. Я начала смущаться, какъ услышала премножество народу на меня идущаго; но коль велико

ко было мое удивленіе и отчаяніе, когда я одного изъ нихъ открывшаго скрытной фонарь, признала за монастырскаго управителя игуменства, жившаго на небольшую милю отъ монастыря въ домѣ къ оному принадлежащемъ!

Ахъ! Боже мой милостивый! любезная моя сестрица, сказалъ онъ мнѣ съ притворнымъ удивленіемъ, какимъ случаемъ я васъ нашелъ теперь въ семъ лѣсу въ такой часъ?

Объята будучи страхомъ и отчаяніемъ, пребыла я долгое время въ молчаніи безъ всякаго отвѣта; но узнавши при немъ двухъ человѣкъ, которые меня вели, принуждена я была притвориться и взять въ первой разъ во всю мою жизнь прибѣжище ко лжи. Я ему говорила, что я нашедши садовыя двѣри отворены, захотѣла подъ тополовыми деревьями прогуляться, но была весьма наказана за мое неблагоразуміе

умїе, поколику не успѣла лишь только я вытти изъ саду, какъ почувствовала, что напало на меня премножество людей и потащили меня противъ моей воли, и приведши меня на сїе мѣсто, обратились въ бѣгство, услыша, что вы подходите.

Должно благодарить Бога, что не приключилось вамъ еще большаго нещастїя, отвѣчалъ эконом, притворясь будто мнѣ повѣрилъ. Но какъ отсюда до моего дому разстоянїя не много, то подите въ него и отдохните нѣсколько.

Я его просила отвести меня лучше назадъ въ монастырь; но онъ мнѣ далъ знать, что сего по моей усталости никакъ не возможно сдѣлать прежде разсвѣта: и что не пристойно будетъ, когда я встрѣчусь съ кѣмъ нибудь; и такъ онъ пойдетъ прежде самъ освѣдомиться, и беретъ на себя все оное привесть въ порядокъ.

Эко-

Эконом пошел в самом деле на разсвете дня и возвратился почти уже в полдни; и я оставалась чрез сие время в добычу безутешным утешениям его жены. Наконец он принес мне письмо от госпожи Лозан, которая мне изъяснила, что моя неосторожность привела весь свет в безпокойство; никто не хотел верить моему представлению, и монастырская христианская любовь обвинила меня по христиански, что я убежала из онаго с молодым человеком, котораго видели шатавшагося весь тот день около монастыря; и что бы я больше не помышляла о обратном вступлении в оной; но что бы я не безпокоилась, поколику она чрез пять или шесть дней отъезжает и соглашается взять меня с собой; она примолвила в прибавлении, что сей скитающейся бродяга скрылся.

Я не сомневалась больше ни минуты, что бы она вас не приметила,

шила, что бы не читала моей записочки, и что бы она не возпользовалась тѣмъ, что она въ ней нашла, что бы не употребила наше свиданіе въ свою пользу, не поймала меня сама и не отвела къ эконому до благосклоннѣйшей ея намѣреніямъ минуты. При сей выгодѣ, которую она получила изъ моего ослѣпленія, отваживалась она между тѣмъ очень на многое предупреждая васъ. . . .

Конечно, отваживалась она на многое, отвѣчалъ Клерфонсъ. Ибо я былъ то самъ, котораго вы слышали столь близко возлѣ васъ шедшаго, и я спрятался за дерево отъ самаго того же страха, которой васъ удержалъ говорить. Теперь осталось только знать, какъ вы вышли изъ дому Эконома?

Сіе то самое, о чемъ я васъ хочу увѣдомить, отвѣчалъ ла Форе: человѣкъ вашъ узнавши меня на

поч-

почтѣ Круазіерской, открылъ мнѣ о причинѣ тутъ его удерживающей. Я вамъ не стану изображать радости, которыя онъ былъ очевидцемъ, какъ онъ меня увѣдомилъ, что любезная моя сестра была еще жива. Я вознамѣрился, чего бы то мнѣ ни стоило, сыскать ея убѣжище. Я почелъ за безполезное итти въ монастырь, гдѣ бы я не могъ получить никакого извѣстія; но я предпріялъ во время двухъ дней, остававшихся ла Фонту, обѣгать всѣ окрестности каждому съ своей стороны. Онъ былъ щастливѣе меня, и открылъ мою сестру въ тотъ же вечеръ въ домѣ Эконома. Онъ пришелъ тотчасъ меня увѣдомить. Я не ломалъ долго голову для изобрѣтенія средства ее изъ онаго вывести; я спросилъ ла Фонта, храброй ли онъ человѣкъ. Отвѣтъ его удостовѣрилъ меня въ его ревности. И такъ лишь только ночь настала, велѣлъ я осѣдлать четырехъ лошадей, изъ коихъ на три мы посѣли,

а четвертую вожатой повелъ въ заводу. Мы взяли обыкновенную дорогу. Но на двухъ стахъ шагахъ оттуда предложилъ я почтилліону выбирать или три пули, бывшія въ моемъ пистолетѣ, или три луидора, мною ему предлагаемыя, естьли онъ за нами слѣдовать согласится. Онъ былъ тотъ самой, котораго вы уже употребляли, и коего ла Фонтъ постарался взять; онъ мнѣ отвѣчалъ, что угрозы были тщетны, и что сей доброй малой довольно зналъ, что онъ не такой человѣкъ, что бы изъ подъ неволи должилъ честныхъ людей. Ну изрядно, сказалъ я ему, и мы пошли въ домъ Эконома.

Я оставилъ лошадей шагахъ на пятидесяти съ проводникомъ, ла Фонта взялъ съ собою въ случаѣ сопротивленія, и вошли учтивымъ образомъ къ сему честному человѣку въ домъ съ пистолетами въ рукахъ: сестра моя прибѣжала на

его

его крикЪ, узнала тотчасЪ вашего слугу, и ободряла своего хозяина, которой насЪ почелЪ за воровЪ; мы ему обѢщали, что ему не причинится никакого зла.

Между сими моими разговорами, сестра моя смотрѢла на меня пристально, не могши меня узнать. Она спросила ла Фонта, не изЪ друзей ли я ея былЪ, и гдѢ мы были.

ТакЪ, моя любезная Роза, отвѢчалЪ я ей, я одинЪ какЪ изЪ его, такЪ и изЪ твоихЪ друзей; какЪ, ты не узнаешЪ Антона?

АхЪ! братецЪ! вскричала она, кинувшись ко мнѢ вЪ объятія; сердце мое васЪ узнавало, но духЪ мой не могЪ согласить сЪ именемЪ Антона, знаки преимущества, которыми я тебя вижу украшеннаго!

О семЪ я васЪ увѢдомлю дорогою, отвѢчалЪ я ей: но время

насъ побуждаетъ; намъ должно отъѣхать.

Опасаясь погони, постарались мы заперепь честнаго Эконома съ его женою въ погребъ: я привелъ Розу на то мѣсто, гдѣ стояли наши лошади; и вынулъ изъ чемодана мужское платье, въ которое она могла переодѣться. Ей только не доставало шляпы. Я ей далъ свою, а себѣ взялъ у ла Фонта, сдѣлавшаго себѣ калпакъ изъ своего платка.

Почтиллiонъ увѣрялъ насъ, что на первомъ яму найдемъ коляску, и мы поспѣшили туда прибыть; въ самомъ дѣлѣ нашлась тамъ одна, за которую я столько заплатилъ, сколько запросили. Мы отправились не теряя времени, и прибыли сюда на другой день заблаговременно: госпожа изволила насъ къ себѣ принять, и осыпала насъ милостями и вниманiемъ. Мы не имѣли никакихъ другихъ затрудненiй, кромѣ безпокойства, что васъ не нашли.

Но-

Новыя послѣдовали благодаренія госпожѣ Фонбоннъ; новыя обниманія; новые знаки признательности со стороны Розы и Клерфонса; ла Форе, принявъ въ ономъ участіе просилъ о вниманіи, и разсказалъ свое приключеніе съ Графинею Лозанъ.

Вы помните, сказалъ онъ Клерфонсу, что я очень худо отвѣчалъ на ея милости, нашедъ ее у господина Маршала Левендаля. При первой моей поѣздкѣ въ Версалію встрѣтился я съ нею въ галлереѣ у него. Она меня узнала и сдѣлала мнѣ нѣсколько учтивыхъ выговоровъ за то, что я ее не посѣтилъ. Я извинялся поспѣшнымъ моимъ отъѣздомъ, котораго я не могъ отложить до другаго дня. Она приняла мои извиненія милостиво, и обѣщала мнѣ простить мою вину съ тѣмъ только договоромъ, что бы я оную загладилъ. Я ее въ томъ увѣрилъ и пришелъ дѣйствительно на другой день въ самое то время, какъ она, сидя за туалетомъ убиралась.

Все искуство разсѣяній было употребляемо для показанія мнѣ красотъ, которыя временно она скрывала, дабы тѣмъ больше меня воспалить; я взиралъ на нихъ съ тѣмъ меньшею скромностію, что она принуждена была оное примѣтить. Она испытала въ первой разъ покраснѣть, а при второмъ разѣ усмѣхнулась: по отшествіи ея служанокъ приняла она съ начала такой голосъ, которой успокоиваетъ наивеличайшую робость; и разговоръ начался тѣмъ, что она меня спрашивала, какое щастіе имѣлъ я съ моего пребыванія при дворѣ; и какія притомъ происходили обстоятельства. Она довольно знала, что повѣствованіе прошедшихъ забавъ приводитъ всегда до желанія новыхъ.

Я ее увѣрялъ, что хорошее ея мнѣніе о мнѣ было весьма благосклонно, и что я еще не заслужилъ милости ни у одной женщины:

Не

Не сіе было причиною тому, что вы оныхъ не получили, сказала она. Однако примолвила она, я вижу, что вы о томъ не старались, и вы въ томъ невиновны; вольность у васъ военныхъ людей робѣетъ передъ нашими сестрами обезьянами; и это по праву. Любовь есть дѣйствительная нужда сердца или тѣлосложенія; какъ скоро не возможно оной противиться, то должно ей отдаться искренно: когда я слушаю нашихъ женщинъ щеголихъ, тщеславящихся своими добродѣтелями, то я бы столько же охотно послушала хвастуна, разглагольствующаго о своей храбрости; естьли мы не можемъ имѣть заслуги мудрости, то по крайней мѣрѣ не желаемъ имѣть порока лицемѣрія.

Говоря сіе играла она съ моими волосами, и столь блиско ко мнѣ подвинулась, что уста ея не болѣе, какъ на два пальца отстояли отъ моихъ; и онѣ соединились вмѣ-

стѣ со всемъ естественнымъ движенiемъ. Я отдаю каждому на разсужденiе, какое бы было слѣдствiе сего разговора, естьли бы не доложили, что господинъ Герцогъ де... Она мнѣ протянула руку, я оную поцѣловалъ, а она пожала мою, и сказала мнѣ, что бы я не преминулъ къ ней притти на другой день отужинать.

Я никогда въ жизни не обходился съ другими женщинами, кромѣ какъ въ гарнизонныхъ городахъ съ небогатыми купчихами и ихъ дочерями, которымъ по крайней мѣрѣ должно прислуживать и стараться недѣли двѣ, что бы дойти до желаемаго. Скорость столь сiяющей побѣды сдѣлала то, что у меня почти цѣлой день голова кружилась. Я легъ въ постелю упоенъ воображенiемъ удовольствiя, ожидавшаго меня въ слѣдующую ночь, и я заснулъ съ сими прiятными мыслями; за коими послѣдовало сколько от-

отмѣнное, столь и ужасное сновидѣніе.

Естественно, что понятія, столько меня упражнявшія чрезъ весь день, представились снова моему разпалившемуся воображенію. И такъ я думалъ, что я нахожусь въ объятіяхъ госпожи Лозанъ: но въ самую ту минуту, когда я хотѣлъ наслаждаться предпріятымъ благополучіемъ столь лестнаго сновидѣнія, то показались мнѣ вы, мой любезной Клерфонсъ, но въ видѣ великана. Ты думаешъ, говорили вы мнѣ ужаснымъ голосомъ, ты думаешъ быть на вершинѣ щастія въ объятіяхъ сего чудовища. Но подними ея платокъ и посмотри. . . Чувства мои оцѣпенѣли. . . я сдѣлался неподвижнымъ. . . разсмотри ее, я тебѣ говорю, она не имѣетъ сердца. Вы взяли трепещущую мою руку и принудили поднять ея платокъ; я все еще дрожалъ. Вмѣсто той прелестной шеи, которую я

думалъ осязать, увидѣлъ я безплотной остовъ, употребляемой для представленія намъ точной смерти. Жадныя змѣи казалось будто спорили около смердящихъ остатковъ изтлѣвшаго сердца, кишащаго червями.

Сіе ужасное видѣніе разбудило меня вдругъ. Мнѣ не возможно было опять заснуть; и сей плачевной сонъ обезпокоивалъ меня цѣлое утро; однако между тѣмъ одѣлся я послѣ обѣда сколько можно было получше, и употребилъ въ сей день больше времени за моимъ уборнымъ столомъ, нежели когда нибудь прежде во всей моей жизни. Я пришелъ на мѣсто свиданія въ назначенной часъ, и былъ принятъ съ весьма лестнымъ возклицаніемъ, а съ лестнѣйшимъ еще поцѣлуемъ.

Графиня Лозанъ была убрана великолѣпно, и вся осыпана брилліантами. Я у нея спросилъ, не ожида-

даетъ ли она отъ кого посѣщенія. Она мнѣ сказала, нѣтъ, а имѣла предъ симъ гостей и подъ обыкновеннымъ подлогомъ головной болѣзни, о которой никто не думаетъ, а всякой разумѣетъ, проводила съ двора. Въ тоже время позвонила она своимъ комнатнымъ служанкамъ, которыя ее пришедъ раздѣли, и она меня заставила наслаждаться сугубымъ удовольствіемъ увидѣть себя во всемъ сіяніи ослѣпительнаго наряда, и въ прелестной простотѣ не столько блестящаго, сколько выгоднѣйшаго домашняго платья.

Она кинулась на софу, и притворясь, какъ будто ищетъ спокойнаго положенія, осталась въ томъ, которое желанія ея всегда лучше возвѣщало. Небрежное любострастіе царствовало въ ея видѣ; надежда и желаніе блистали въ ея глазахъ. Естьли бы я въ ономъ нашелъ не много больше стыда, то бы было тѣмъ лучше; но какъ они не очень

велики, то они не могли содержать столькихъ вещей: сколько пріятная столько и выразительная усмѣшка, возвѣщаетъ мнѣ щастливую минуту; я полетѣлъ въ ея объятія.

Но воспоминаніе моего ужаснаго сновидѣнія представляется паки моему духу, и уничтожаетъ меня въ нѣдрѣ моего благополучія. Она принимаетъ мою молчаливость за одно изъ тѣхъ возторговъ, въ которыхъ нѣжной любовникъ предается минутѣ своего благополучія. Но какъ сіи минуты должны быть весьма кратки, то она не могла долго остаться въ семъ заблужденіи. Она притворилась, будто бы она надъ этимъ шутила; но я видѣлъ на лицѣ ея меньше холодности, нежели она вмѣшивала въ свои рѣчи: есть такія положенія, въ коихъ не возможно имѣть такой видъ, которой бы охотно желалъ принять. Однако я употребилъ всѣ мои возможности заслужить себѣ прощеніе; но тщетно гла-

глаза мои увѣрялись о дѣйствительности ея прелестей; плачевное впечатлѣніе моего сновидѣнія не могло изчезнуть изъ моего чувства.

Я удивляюсь, сказала она, желая продолжать шутить, что вы мнѣ по крайней мѣрѣ не приносите обыкновенныхъ извиненій.

Истинно, сударыня, отвѣчалъ я ей, это происходитъ отъ того, что я не привыкъ брать къ нимъ прибѣжища.

Но какъ она искала только пристойной причины отпустить меня съ тѣмъ презрѣніемъ, которое я въ нее вдохнулъ, то она овладѣла тѣмъ, которое ей представилъ мой отвѣтъ. Для меня не очень былъ твой безстыдной поступокъ чувствителенъ, сказала она: но я не могу удержаться отъ твоихъ нахальныхъ рѣчей. Поди съ глазъ моихъ долой и не отваживайся

ся никогда упомянуть моего имени, естьли не хочешъ послѣ объ ономъ разкаиваться.

Я ушелъ какъ можно скорѣе и щиталъ себя за весьма щастливаго, что освободился отъ столь скучнаго явленія.

Я не съ лишкомъ безпокоился о семъ *особливомъ приключеніи*, и ужѐ почти забылъ было его, какъ на третей день послѣ онаго захваченъ былъ въ моей постелѣ. Прочее вамъ извѣстно.

Госпожа Фонбоннъ и Клерфонсъ не сумнѣвались, что бы не сія злобная Графиня обвинила ла Форея у Министра, отнесши къ нему списокъ съ найденныхъ пѣсенокъ.

Роза съ своей стороны удивлялась огорченію, съ которымъ Фурія сія гнала ее подъ покровомъ дружества. Но какъ Клерфонсъ

всѣхъ

всѣхъ ихъ увѣдомилъ о обманѣ, съ коимъ она описывала брату своему смерть Розы, сожалѣніе, которое она притворилась будто имѣла о его сѣтованіи; свирѣпость, съ которою она хотѣла его раздражить и учинить свирѣпость его вѣчною, пославъ къ нему то, что она называла драгоцѣнными остатками его любовницы; какъ онъ имъ, говорю я, все сіе объявилъ, то сіе подлое безстыдство окаменило каждаго изъ присутствующихъ, кои не могли постигнуть умомъ столь остроумной и столь замысловатой ненависти.

Но для чего задерживать намъ зрѣніе наше на такомъ предметѣ, которой бы разсужденіе наше побудило насъ ненавидѣть, сказала Роза, которыя сердце содѣланное для любви, не могло долго заниматься безъ страданія столь для нея тягостнымъ чувствованіемъ. Небо насъ отъ того свободило; это бы назвалось помрачать щастіе, которое оно намъ

намѣ низпосылаетѣ, естьли бы вмѣшивать вѣ оное столь противныя предметы.

Кѣ Монтфорту написано было обширное письмо, содержащее всѣ подробности, о коихѣ мы разсказывали, и приглашали его прiѣзжать наискорѣе участвовать вѣ благополучiи своихѣ друзей, и усугубить оное своимѣ присутствiемѣ.

Клерфонсѣ не такое имѣлѣ сердце, что бы могѣ опасаться найти вѣ своемѣ другѣ соперника; и мысль сiя не представлялась никогда разуму его, исполненному удовольствiемѣ, которое бы онѣ вѣ немѣ причинилѣ столь щастливою вѣдомостiю; вѣрному ла Фонту препоручено было оное ему вручить, дабы онѣ могѣ обьяснить обстоятельства, которыя могли быть забыты.

Добросердечный лѣкарь и бѣдной тюремный надзиратель, его братѣ, не

не были забыты. Послѣдній остался при своемъ мѣстѣ, а первой опредѣленъ былъ въ больницы, что онъ по своему знанію и усердію заслуживалъ. И оба съ верьхъ того были Клерфонсомъ особливо довольно награждены за понесенныя ими отъ него небольшія оскорбленія; и госпожа Фонбоннъ, Роза и ла Форе хотѣли также подарить всякой съ своей стороны.

Ничего болѣе не ожидали кромѣ прибытія Кавалера Монтфорта, что бы отдаться удовольствію видѣть соединившимися четырехъ особъ, бывшихъ отъ столь многихъ нещастныхъ приключеній столь долгое время въ разлученіи. Госпожа Фонбоннъ, которая имѣла столько права на ихъ дружество, хотѣла благополучіе ихъ раздѣлить съ ними. Каждой былъ столько увѣренъ о благополучіи своего друга, что онъ никакъ о своемъ не сумнѣвался, но щастіе сохранило для нихъ еще одинъ

изъ

изъ тѣхъ ударовъ, которые тѣмъ были чувствительнѣе, чѣмъ менѣе были они предвидѣны, и когда сладкая надежда возымѣла нѣкоторой успѣхъ въ сердцѣ, то она сдѣлалась дѣйствительнымъ благополучіемъ, нужнымъ и драгоцѣннымъ благомъ, съ которымъ оно разлучается только силою.

Монтфортъ не могъ прибыть прежде пятаго дня по отбытіи ла Фонта. Четыре друга поѣхали ему на встрѣчу въ каретѣ госпожи Фонбоннъ, а слуга повелъ заводную лошадь, на которой ла Форе долженъ былъ ѣхать при возвращеніи, потому что ему надлежало уступить свое мѣсто Монтфорту; онъ не прибылъ въ сей день: но о семъ не много безпокоились, потому что дни считали по общей нетерпѣливости; и для прибытія въ пятой день ему не надлежало терять ни минуты.

На другой день опять поѣхали ему на встрѣчу, и увидѣли возвра-

тив-

тившагося ла Фонта, котораго узнали издали. Сердце ужѐ трепетало у нашихъ друзей отъ радости: но ла Фонтъ оную нѣсколько уменьшилъ, увѣдомя, что Монтфортъ остановился въ Фонтенебло, гдѣ тогда былъ дворъ, и прежде утра завтрешняго дня не будетъ. И такъ возвратились они опять назадъ нѣсколько печальны, и не преминули на другое утро ѣхать опять ему на встрѣчу заблаговременно, но тщетно дожидались его нѣсколько часовъ въ Виллежюифѣ; и доѣхали даже до Эсонны, гдѣ пробыли до шести часовъ вечера; и хотѣли было взявши почтовыхъ лошадей ѣхать въ Фонтенебло; но ла Фонтъ настоялъ столь упорно, что сїе путешествїе тщетно, и что Монтфортъ будетъ въ Парижѣ столь же скоро какъ и они, что начали подозрѣвать въ нѣкоторой тайнѣ нечаяннаго восхищенїя, о которой онъ былъ увѣдомленъ. Его не хотѣли принуждать

открыть его тайну, и прибыли опять въ Парижъ съ нетерпѣливостію объяснить догадки, которыя каждой имѣлъ по разнымъ понятіямъ, представлявшимся его духу.

Наконецъ прибыли къ госпожѣ Фонбоннъ, и нашли тамъ Кавалера Монтфорта убраннаго, и какъ такого человѣка, которой пріѣхалъ на канунѣ. Сіе весьма удивило всякаго, но прежде удовольствовали дружество, нежели любопытство.

По объясненіи первыхъ движеній радости и по стократномъ другъ друга объятіи, Роза первая примѣтила, что Кавалеръ Монтфортъ носилъ на своемъ платьѣ вышитой крестъ, отличающей Кавалеровъ. Она сообщила свое примѣчаніе Клерфонсу, сіе не примѣтившему. Онъ изъявилъ на то свое удивленіе.

Вотъ причина, отвѣчалъ Монтфортъ, моего замедленія. Я прибылъ вчерашняго вечера, ходилъ со двора и положилъ обѣты ордена при великомъ Пріорѣ. Я помню о вашемъ великодушіи, мой любезной Клерфонсъ, и хотѣлъ у онаго отнять всю причину. Роза, нами обоими равномѣрно любимая, не можетъ быть больше моею; она вся ваша. Я отказываясь отъ моей надежды, не убавилъ ничего въ моихъ чувствованіяхъ. Дѣлая ихъ непорочнѣе, сдѣлалъ я ихъ достойнѣе ея. Только чрезъ мое будущее поведеніе, приведу я у нее въ забвеніе прошедшее. Естьли послѣдняя воля ея отца, естьли милости моего родителя даютъ мнѣ еще нѣкоторое надъ нею право, то я хочу его употребить въ послѣдней разъ. Я прошу общаго нашего друга, ея брата, присоединить къ тому свое право.

Въ сію минуту взялъ онъ руку Розы, и положа въ Клерфонсову: Будьте столько благополучны, сказалъ имъ, сколько сердце мое того желаетъ!

Клерфонсъ тронутый великодушнымъ дѣйствіемъ Монтфорта, удержалъ свою руку въ ея рукѣ, и сказалъ ему: о добродѣтельный другъ, вы побѣдя свою страсть, побѣдили меня въ великодушіи! Я вамъ обѣщаю, что сердце мое будетъ всегда достойно вашего сердца. Подите, сказалъ онъ, васъ я беру во свидѣтельство моего обѣщанія: подите и будьте порукою онаго, раздѣля оное со мною.

Тогда госпожа Фонбоннъ и ла Форе подали также свои руки. Всѣ пятеро соединили ихъ и пожавши оныя одинъ у другаго клялись вѣчнымъ дружествомъ.

Брачная церемонія Розы съ Клерфонсомъ была только отложена для пріуготовленія нужныхъ къ празднеству потребностей, которое госпожа Фонбоннъ и Монтфортъ обѣщались сдѣлать достойнымъ образомъ двухъ супруговъ, бывшихъ онаго предметомъ; наконецъ положено было совершить оное на третей день, какъ Министръ прислалъ къ Клерфонсу курьера съ приказаніемъ, что бы онъ тотчасъ былъ въ Фонтенебло, не теряя ни минуты. Повелѣніе сіе не нанесло никакого безпокойства обществу, опасавшемуся только того, что ихъ предпріятія продлятся еще нѣсколько дней.

Клерфонсъ поѣхалъ въ туже минуту, и прибылъ къ Министру, которой лишь только хотѣлъ съѣхать: вы прибыли столько къ статѣ, что не льзя лучше, сказалъ онъ ему, я [illegible]ъ весьма благодарю за вашу ра-

 чи-

чительность, и я думаю, что вы не будете имѣть причины разкаиваться: ступайте за мною. Клерфонсъ пошелъ за нимъ, и не мало удивился, увидя, что Министръ прошедъ галлерею и двѣ другія горницы, вошелъ къ Королю. Онъ было хотѣлъ уйти; куда же вы идете? сказалъ Министръ ему, взявъ его за руку, и принудилъ итти съ собою. Вотъ, Ваше Величество, господинъ Клерфонсъ, о которомъ я имѣлъ честь Вамъ докладывать. Онъ одинъ изъ наичестнѣйшихъ людей въ вашемъ королевствѣ, и одинъ изъ наивѣрнѣйшихъ вашихъ подданныхъ; раны имъ полученныя, и нещастія испытанныя имъ въ вашей службѣ не прохладили его ревности, и я могу увѣрить, что онъ наложенную должность, порученіемъ которыя Ваше Величество изволите его удостоивать, исполнитъ со всякимъ раченіемъ. Король приближась къ Клерфонсу, поклонился

ему,

ему, и сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ; и они опять ушли.

При возвращенiи Министръ изъяснилъ Клерфонсу коммиссiю, которая на него возложится, она касалась до нѣкоторыхъ торговыхъ выгодъ съ сосѣдственнымъ государствомъ.

Мы имѣли нужду для сего дѣла, сказалъ ему Министръ, въ человѣкѣ столько же вѣрномъ, сколько и разумномъ, и такомъ, котораго бы не знали при иностранныхъ дворахъ; я нашелъ въ васъ всѣ сiи качества соединенныя съ симъ существеннымъ обстоятельствомъ, и вижу, что вы отъѣдете съ подлиннымъ успѣхомъ; я весьма сожалѣю, примолвилъ онъ усмѣхнувшись, что дѣло сiе задлитъ бракосочетанiе, пресѣкаемое уже толикими препятствiями, но я васъ довольно знаю и могу увѣриться, что вы не пожер-

твуете благомъ государства своему особенному удовольствію.

Сіе значило поймать Клерфонса съ его чувствительной стороны. Сей честной человѣкъ истинной Философъ и гражданинъ могъ бы отдать сердце свое дражайшей ему особѣ, но двѣ великія страсти его души были любовь къ добродѣтели и къ отечеству. Онъ обѣщалъ Министру, которой сего требовалъ, что онъ не повидается ни съ Розою, ни съ своими друзьями проѣзжая чрезъ Парижъ, и онъ къ нимъ не прежде писалъ, какъ по прибытіи своемъ въ назначенное мѣсто.

Сей поступокъ ни мало ихъ не оскорбилъ, но больше былъ похваленъ тѣми особами, которыя сотворены были всѣ чувствовать цѣну онаго; и самая Роза, та, которая могла бы больше всѣхъ жаловаться, похваляла сіе съ наивеличайшимъ возторгомъ. Высо-

кое

кое сердце сей постоянной дѣвицы, было достойно сердца ея любовника.

Время въ семъ отсутствіи, которое Клерфонсъ могъ удѣлять отъ дѣлъ, было употреблено на писаніе къ его возлюбленной Розѣ; ничто не было такъ нѣжно, какъ его письма и отвѣты на оныя получаемыя: послѣднее, которое было писано всегда наистрастнѣйшее, и послѣднее, котораго ожидали было всегда желательнѣе всего; между тѣмъ прошло болѣе осьми дней, что Клерфонсъ не получалъ писемъ ни отъ кого, кто бы то ни былъ. Какъ его дѣло щастливо кончилось, то отправился онъ обратно во Францію.

Какое онъ ни дѣлалъ представленіе о удовольствіи, котораго надѣялся, нашедъ опять свою драгую Розу и своихъ друзей, однако жертво-

вовалъ своею нетерпѣливостію должности, и поспѣшалъ прежде въ Версалію, не летѣвъ въ объятія своея обладательницы.

Министръ былъ чрезвычайно доволенъ проницательностію, съ которою онъ исполнилъ порученную ему должность, но онъ не хотѣлъ во зло употребить его привязанность, и немедленно отослалъ обратно въ Парижъ съ обѣщаніемъ соразмѣрнаго услугамъ его награжденія.

Клерфонсъ въ полной радости прибылъ къ госпожѣ Фонбоннъ; но сія столь нѣжная и столь усердная пріятельница отвращаетъ свой взоръ, и не смѣетъ подать ему руку. О Боже! вскричалъ Клерфонсъ, что долженъ я подумать о семъ печальномъ пріемѣ? Какое новое нещастіе кажется мнѣ онъ предвѣщаетъ! или я лишился вашего дружества? или похищена у меня Роза? Наконецъ госпо-

госпожа ФонбоннЪ обняла его; но прижавЪ его кЪ своей груди тщетно силилась она говорить; она находитЪ только вздохи, а промолвить не можетЪ ни одного слова.

Я усматриваю, что Роза умерла, сказалЪ КлерфонсЪ, упавЪ вЪ крѣсла; жалостливая пріятельница, не опасайтесь меня умертвить, окончите терзать мое сердце.

Госпожа ФонбоннЪ не осердилась, видя, что КлерфонсЪ представилЪ себѣ гораздо печальнѣйшее нежели что она хотѣла ему сказать: Роза не умерла, сказала она, усиливаясь показывать больше спокойствія, нежели вЪ самомЪ дѣлѣ имѣла, и мы должны также надѣяться, что немедленно она будетЪ намЪ возвращена неусыпными трудами, которыя употребляетЪ начальство поруча полиціи ее отыскивать.

И такъ она полагая на сторону потери близкую надежду возвращенія, старалась вперить въ сердце сего нещастнаго любовника лѣкарство вмѣстѣ съ ядомъ, которой она была принуждена въ оное влить.

Вотъ, продолжала она, какъ у насъ она похищена: знатная вдова, которой я имѣла щастіе оказать нѣкую услугу, прислала ко мнѣ сказать, что она опасно занемогла сберегая свою дочь, и что она меня чрезмѣрно желаетъ видѣть.

Я была съ Розою, когда получила сію вѣсть; сія любви достойная дѣвица оказала мнѣ нѣкоторую ревность соучаствовать въ семъ благомъ дѣлѣ; я не сопротивлялась столь похвальному желанію, взяла ее съ собою; но особа, присланная ко мнѣ отъ больной, увѣдомила насъ дорогою, что дочь ея больна оспою. Я спрашивала у Розы, была

ли

ли она на ней, на что она мнѣ отвѣтствовала, что нѣтъ; и я не хотѣла ей позволить за мною слѣдовать, ниже подходить близко къ дому; но какъ оставалось нѣсколько только шаговъ, то я пошла съ моимъ человѣкомъ, а Розу отослала назадъ въ каретѣ, которую мы взяли: увы! съ той минуты мы болѣе уже ее не видали.

Не должно сомнѣваться, что бы сіе не было какимъ нибудь новымъ предпріятіемъ Графини Лозанъ: сія злобная женщина, которыя дѣйствительная ненависть никогда не успокоится, увѣдомясь о вашемъ близкомъ щастіи покусилась еще поколебать оное; но вы я чаю помните, что Богъ всегда благоволилъ уничтожать ея предпріятія; и вы не должны сомнѣваться, что бы онъ еще къ вамъ не благоволилъ, поколику вы заслуживаете всегда покровительство его. Такимъ образомъ госпожа

жа Фонбонн старалась напомнить Клерфонсу о его старых добродѣтелях, что бы придать больше силы его разсужденію.

По непоколебимости, с которою он перенес толикія нещастія, не должно сомнѣваться, что бы его великая душа при всѣх нещастіях не была тверда; но природныя силы имѣют свои границы, он не мог перенести сего послѣдняго удара, и впал в такую слабость, которая грозила ему гробом. Я не осуждаю вашей печали, сказала ему нѣжно его пріятельница; я не хочу удерживать ваших слез, рана вашего сердца еще очень свѣжа, так что не потребно кровопусканіе: но время ее затворит, и может статься руками любви; я признаюсь, что сіе рысталище печалей покрыто неизвѣстностію будущаго. Но для чего отказываться от надежды? Когда Роза может быть

вам

вамЪ будетЪ возвращена; то какое соболѣзнованіе для нее, естьли она извѣстится, что вы не могли снести сея тягости! Думаете ли вы, что она снесетЪ отягчительную вѣдомость о вашемЪ истинномЪ уронѣ, когда вы не могли вытерпѣть сомнѣнія вЪ разсужденіи ея потери.

Плачьте, сказалЪ ему сЪ своей стороны МонтфортЪ, столько же огорченный, плачьте вЪ объятіяхЪ такого друга, которой не меньшаго васЪ достоинЪ сожалѣнія; но которой утѣшится вЪ своемЪ нещастіи, естьли онЪ васЪ увидитЪ утѣшеннымЪ; почитайте насЪ за такихЪ друзей, кои способны подать вамЪ естьли не полезные совѣты, то по крайней мѣрѣ утѣшительные примѣры.

Сіи нѣжнѣйшіе друзья старались внушить вЪ сіе соболѣзнующее сердце, утѣшительныя вспоможенія дружества чрезЪ орудія чувствованія.

Клер-

Клерфонсъ погруженный въ свою печаль, слушалъ ихъ съ смущеннымъ и безумнымъ разсѣяніемъ, заставившимъ ихъ опасаться что не возможно будетъ его никогда извлечь изъ сего унылаго состоянія, какъ одна духовная особа доложилась у госпожи Фонбоннъ; но какъ оныя имя не было никому извѣстно, то и несумнѣвались, что бы ея посѣщеніе имѣло нѣкоторымъ образомъ отношеніе къ общей печали. Въ самомъ дѣлѣ, по засвидѣтельствованіи имъ короткой учтивости о плачевной коммисіи на него наложенной, вручилъ онъ Клерфонсу письмо отъ Графини Лозанъ, о которой онъ говорилъ, что она находится при смерти отъ упаденія, которое приключилось, какъ она возвращалась изъ одной своей деревни, куда она отвезла Розу, дабы скрыть ее на всегда отъ глазъ всѣхъ.

Сіе весьма долгое письмо, котораго я всего приводить не хочу;

по тому что оно содержитъ только въ себѣ объясненія тѣхъ приключеній, о которыхъ мы уже говорили, стоило великаго труда прочесть по причинѣ обильныхъ слезъ во многихъ мѣстахъ на оное падавшихъ; оно содержало неизвѣстную до сего причину заточенія Клерфонса, обвиненнаго чрезъ игуменью Клермутіерскую, въ похищеніи Розы, которую она имѣла сама намѣреніе похитить, для того, говорила она, что бы всегда можно было держать у него предъ сердцемъ кинжалъ не далѣе какъ на два пальца. Но, прибавила она, въ сію ужасную минуту, въ которую уничтоженіе моей ненависти возвѣщаетъ мнѣ уничтоженіе моего существа, удостойте, добродѣтельная Роза, о великодушный Клерфонсъ! простить меня за всѣ тѣ горести, которыя я заставила васъ претерпѣть; помолите еще о прощеніи меня небо, которое въ немъ можетъ быть не откажетъ чистотѣ

вашихъ сердецъ, и позднное разкаяніе мое не отринетъ.

Письмо сіе было между тѣмъ сочинено въ наитрогательнѣйшихъ выраженіяхъ; и горькое ея разкаяніе изторгнуло у самихъ тѣхъ слѣзы, которые были жертвою ея мщенія; она окончила такимъ образомъ, сдѣлавъ многіе подарки Клерфонсу и Розѣ: я васъ прошу, говорила она сей, принять мои алмазы. Они хотя не придадутъ ничего къ вашимъ прелестямъ но украсятъ торжество вашего бракосочетанія; я желаю, что бы оно было совершено въ церквѣ Монтфортскаго замка, куда я прикажу отнести мою гробницу, какъ скоро будетъ угодно Богу прекратить мои страданія, мои угрызенія совѣсти и мою виновную жизнь; я желаю что бы она свободно выставлена была во время вашего бракосочетанія, дабы покрайней мѣрѣ присутствіе ея содѣлывало по смерти моей родъ нѣкотораго прошенія о прощеніи у двухъ добродѣтельныхъ особъ, которыхъ

рыхЪ я оскорбила вЪ моей жизни: вЪ ту минуту, когда соединенные навсегда сердца ваши получатЪ благословеніе, и будутЪ наслаждаться благоденствіемЪ приличнымЪ имЪ на земли, будетЪ мое сердце, свидѣтель вашего благополучія, точиться червями, какЪ прежде оно было снѣдаемо змѣями зависти, а теперь угрызеніями совѣсти. Прости мой братЪ!.. Прости КлерфонсЪ! Прости Роза!.. да устрашитЪ сей ужасный примѣрЪ небеснаго мщенія тѣхЪ, которые предаются безЪ осторожности своимЪ страстямЪ, и захотятЪ, какЪ я охотно слѣдовать своимЪ наказанія достойнымЪ желаніямЪ, и да ободритЪ вашЪ примѣрЪ тѣхЪ, которыхЪ мудрость и добродѣтели должны ожидать награжденія, приготовляемаго имЪ небомЪ; пусть воззрятЪ на мой конецЪ, и разсудятЪ о вашемЪ.

ДуховникЪ увѣдомилЪ Клерфонса, что вЪ то время какЪ онЪ по-

 шелЪ

шелъ донесть ему о семъ печальномъ разположенiи, другой человѣкъ былъ посланъ для привезенiя Розы, находившейся въ четырехъ миляхъ отъ Парижа. Она прибыла въ самомъ дѣлѣ чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, и была принята, какъ можно удобнѣе вообразить, нежели сказать; она смѣшала слезы свои съ слезами Монтфорта и Клерфонса. На другой день получили они извѣстiе о смерти Графини Лозанъ, которая привела въ слезы всѣхъ бывшихъ ея свидѣтелями. Она была погребена въ предѣлѣ замка Монтфортскаго, такъ какъ она желала; что же касалось до послѣдняго пункта ея желанiя, то почли за нужное раздумать оной исполнить, по колику сiе бы значило ругаться надъ ея прахомъ. Бракосочетанiе Розы и Клерфонса, торжествовано было изъ благопристойности спустя мѣсяцъ; госпожа Фонбоннъ присутствовала наономъ, и ему призналась, что она сама была та, которую предлагала

ему

ему она въ супруги; она примолвила, что не любовь побудила ее принять сіе предпріятіе, но единое желаніе сдѣлать благополучнымъ такого человѣка, въ которомъ она узнала столько хорошихъ качествъ; она болѣе о томъ и не сожалѣла, видя, что онъ достигъ до гораздо совершеннѣйшаго благополучія чрезъ единую особу заслуживающую сдѣлать его такимъ.

Въ самой день свадьбы, Клерфонсъ получилъ извѣстіе о знатной пенсіи, опредѣленной ему Королемъ въ награжденіе за послѣднюю его услугу; но за сею благополучною вѣстію, чрезъ нѣсколько дней возпослѣдовала другая о смерти Министра, оное ежегодное жалованье ему изходатайствовавшаго. Госпожа Фонбоннъ которая была его искренняя пріятельница, сердечно о немъ сожалѣла, и не имѣя болѣе ничего, что бы ее удерживало въ Парижѣ, предпріяла остатки

дней своихъ препроводить у своихъ друзей.

Ла Форе которой прилѣпился къ ней изъ благодарности, не укоснѣлъ вдохнуть въ нее гораздо живѣйшее чувствованіе, и она нашедъ въ немъ всѣ качества честнаго человѣка, не нашла никакого затрудненія подать ему руку, которую она почитала достойною своего друга; онъ принялъ предложеніе, которое необходимо быть долженствовало по его желаніямъ, и сіе второе бракосоединеніе возвысило благоденствіе сего прелестнаго сообщества на высочайшую степень; оно жило всегда въ томъ совершенномъ союзѣ, въ той откровенности сердца, которая приводитъ во едино всѣ чувствованія, всѣ мысли, которое рождаетъ всѣ пріятности общества, которое дѣлаетъ, что каждой чувствуя себя такимъ, какимъ онъ долженъ быть, показываетъ всегда другимъ себя такимъ, каковъ онъ есть.

Монт-

Монтфортъ получилъ паки прежнія свои добродѣтели потому что путь страстей ведетъ къ любомудрію. Приведенная подъ иго любовь заставила его при удовольствіи о побѣдѣ, вкушать удовольствіе, что онъ благополучію своихъ друзей нѣсколько споспѣшествовалъ. Клерфонсъ, добродѣтельный Клерфонсъ, дѣлилъ съ ними и съ своею супругою Розою чистое благополучіе, которое есть награжденіе добродѣтели, и сей щастливый супругъ въ объятіяхъ Гименея собралъ драгоцѣнные плоды воспитанія любви.

КОНЕЦЪ.

